

ИОГАНН ВАН РОТТЕНХЕРЦ

ОХОТНИК НА
МОНСТРОВ

Владимир Чуринов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Чуринов

**Иоганн ван Роттенхерц
– охотник на монстров**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Чуринов В. А.

Иоганн ван Роттенхерц – охотник на монстров / В. А. Чуринов —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-1418-0

Иоганн ван Роттенхерц, охотник на чудовищ, точно знает, что гораздо проще уничтожить гнездящегося в катакомбах дейхока, чем призвать к ответу бургомистра за сотворенное им же чудовище. Проще выйти одному против целого оскверненного погоста, чем против мертвого кирасира, чью историю жизни и смерти довелось узнать во всех неприглядных подробностях. Проще уничтожить зарождающееся чудовище, чем исцелять подростка, которого искажает губительная сила некроэнергии. Но кто сказал, что Иоганн ван Роттенхерц ищет простые пути? Содержит нецензурную брань. В оформлении использовано изображение с фотохостинга pixabay

ISBN 978-5-5321-1418-0

© Чуринов В. А., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Кукольная девочка или гримасы справедливости

За окном вставал мрачный туманный рассвет. Таверна где-то на перекрестке мелких горных дорог была почти пуста. В камине алым закатным заревом умирал огонь, чуть выше на каминной полке посреди связок лука, мелких статуэток и "императорских" литровых кружек спал толстый чёрный кот, мурча во сне. За крепким столом неспешно беседовали двое:

– Значит, так ты и поступил? – трещит старческий, усталый голос.

– Да, именно так! – весело кивает головой кряжистый мужчина с густыми пшеничными усами на добром, чуть грубоватом лице. Мужчина одет в форму кирасирского офицера Алмарской Империи. – Вывез подальше в лесок и расстрелял. Ребята меня поддержали.

– Мне семьдесят лет, – голос старика кажется раздосадованным. – Я никогда, никогда ни во что такое не лез. Не стоило и начинать.

– Иоганн, – вздохнул кирасир, – неужели ты думал, я повезу их до столицы? Неужели ты действительно верил, что там какого-то небезразличного судью заинтересует это дело?

– Оставь это, – махнул рукой старик и отвернулся, стал смотреть в невыразительный, затянутый густым туманом пейзаж за окном.

– А даже если б я и нашёл такого судью, – не унимался человек с усами, – нам бы просто не хватило доказательств. Ни свидетелей, ни каких-то действительно важных документов. Ничего этого у нас не нашлось бы. Тащить их в столицу на суд было бессмысленно.

Повисла долгая тишина. В мутное стекло билась снулая муха. Пахло свечным воском, чесноком, гарью. Из камина выстрелил полумёртвый уголек, выстрелил и погас.

– Но справедливость всё же должна была восторжествовать! – Горячо завершил свою речь кирасир.

– Да, – сухо улыбнулся старик, – справедливость. Должна.

Туман за окном медленно прорезали лучи рассветного солнца, пронизав серый мир красками, наполнив торжеством и светом, осветив густую жирную грязь перед трактором и толстого пьяницу, спящего в этой грязи в обнимку со свиньёй.

– Я стар, – закончил Иоганн. – Всю жизнь обходился без этого. Не стоило и начинать.

* * *

Дом был ветхим. Давно отживший своё, он превратился в обитель призраков и старой памяти. Памяти о когда-то звучавшем детском смехе. О кухонном гомоне. О неспешных разговорах в гостиной при свечах. Теперь это рухлядь. Старые доски, старая краска, старые окна с белыми занавесками, посеревшими от возраста, смотрят бельмами на дикий сад. Сад тоже стар, он зарос вязами и плющом, вереском и небольшими соснами. Он скрыл этот двухэтажный дом с мансардой и двумя флигелями, как саван укрывает мертвеца.

– Самое место для таких двух развалин как мы с тобой? – Усмехнулся охотник на монстров. Перед ним и его спутником со скрипом, жутким, замогильным, привычным, распахнулась дубовая дверь с незамысловатым витражом.

Напарник что-то недовольно пробурчал, и они вошли. За дверью оказался просторный зал. На стенах – заплесневелые картины в рамках с осыпавшейся позолотой, на полу протёртый зелёный ковёр, углы затянуты паутиной. Из зала вели несколько дверей – таких же серых и с облупившейся краской, как и всё здесь. Зато с настоящими бронзовыми ручками в виде фантастических рыб. Запах пыли, плесени, паутины, ни с чем несравнимый запах старости, которым был пропитан дом, умиротворял. Здесь всё было в прошлом. Такие места успокаивают, заставляют говорить тише и ходить медленнее. И вместе с тем такие места настораживают.

На лестнице, ведущей на второй этаж – старом, скрипучем, двухпролётном сооружении с резными перилами – послышался шорох. Будто мышь пробежала. Но охотник на монстров знал – мыши не любят такие места.

Затем шорох послышался из тёмного угла, на другом конце зала. Из-за небольшой декоративной колонны с вазой выбралась невысокая фигурка. По колено человеку, не выше, в декоративном платье с рюшечками и бантиками, в широкой шляпке украшенной искусственными цветами, с легкой улыбкой на личике...

К вошедшим в дом, тяжело переступая непригодными для этого фарфоровыми ногами, медленно шла кукла. В кукольной ручке она волочила огромный мясницкий тесак, с неё размером. Милое детское личико искривилось, кукла раскрыла рот, полный острых ржавых гвоздей, заменяющих ей зубы, рассмеялась скрипучим, зловещим детским идиотическим смехом.

Рассмеялась и довольно резво поковыляла, опираясь для надежности не только на ноги, но и на тесак, в сторону непрошенных гостей.

– Видишь, – произнес охотник на монстров, извлекая мушкетон, заряженный крупной дробью. – Я был прав. Мы имеем дело с кукольной девочкой.

– Лучше б ты ошибся, скотина! – прохрипел низким голосом его напарник.

В стеклянных глазах куклы горело синее пламя, тесак скреб по зелёному ковру, на нём были видны бурые разводы, кукольные ножки в мягких лаковых ботиночках неумело стучали по рассохшемуся паркету.

– По крайней мере, приятно знать, с чем имеешь дело, – пожал плечами охотник.

– По крайней мере, первым она прикончит тебя, – сварливо отозвался напарник.

Кукла издала победный клич, похожий на клёкот стервятника, с невероятной, неожиданной для такой аляповатой штуки, скоростью она скакнула на стену, оттолкнулась, кувыркнулась в полёте, повисла на тридцатисвечной бронзовой люстре, раскачалась и, снова заклекотав, бросилась на добычу сверху.

Мушкетон был наведён умелой рукой. Это оружие имеет задержку залпа, зато бьёт наверняка. Потому всё, что потребовалось охотнику – вычислить маршрут атаки куклы и вовремя нажать на спусковой крючок. Он сделал это, когда кукла оказалась на люстре. Остальное – дело физики.

Залп, вспышка пороха на пороховой полке, грохот, стук картечи по стенам и бронзе люстры. Изорванное тельце падает на пол. Рассыпаются осколки фарфора, падает простреленная шляпка с искусственными цветами, медленно кружась в воздухе. Прекрасное кукольное платье изорвалось и превратилось в лохмотья, из которых выкатился стеклянный глаз. Синяя искра в нём медленно погасла.

– Ну, с почином, – усмехается охотник.

– Тебе опять повезло, – внешне кисло, на деле радостно откликается напарник.

– Поможешь? – спрашивает охотник, о чём-то вполне понятном им обоим.

– Всенепременно!

Мощные, но сухие руки в плотной коричневой шерсти берутся за ручки инвалидного кресла. Напарник вкатывает охотника на монстров в тёмный зал немертвого дома. Иоганн ван Роттенхерц очень стар и прикован к своему креслу. Но кто-то должен охотиться на монстров.

Городок Штальвесс притулился в предгорьях среди еловых зарослей, цветочных лугов и холодных горных рек центральной части большого острова, дающего название Алмарской Империи. На границе областей, населённых издревле главным народом империи – алмарами и самым важным народом империи – бригланами, на плечах которых держится могучая Церковь Империи. Этот островок цивилизации среди дикой красоты гор был полон мелких противоречий и попыток сосуществования на грани вечных обид и взаимных претензий. Фермы, шахты,

охотники и пастухи, лесорубы и ювелиры – они давали городу жизнь. Имперская администрация, гарнизон, полиция и провинциальный суд под началом бургомистра – превращали его в оплот имперской цивилизации.

Но сейчас всё это было довольно неважно. Редкостное единодушие обрушилось на город, как обрушивается лавина в горах. Были забыты обиды, споры, ссоры, взаимные упреки, сословная рознь и родовые различия, всё это отошло на второй план. Город сковал страх.

На протяжении уже трёх месяцев в этом милом краю, среди гор и лесов, пропадали дети. Не всегда бесследно. Иногда местным, испуганным до одури, полицейским доводилось вылавливать из сточной канавы детскую ручку в кружевной перчатке или находить ленту для волос, висящую на ветвях горной ели. И всем становилось понятно – в город пришло зло.

Такое изредка случалось везде. Нельзя сказать, чтобы люди городка Штальвесс были напуганными белоручками. Доводилось им иногда под руководством городского священника гонять нечисть по лесам. А полицейские раз или два в год, в конных патрулях сталкивались с умертвиями, получавшимися из случайных путников, замерзших в лесу или задранных волками. Всякое, в общем, бывало. И о том, что в других местах происходило, тоже слыхали – чернокнижники, еретики, демоны, твари Пучины. Местный святой отец всегда старался держать паству информированной об ужасах внешнего мира.

Но когда в городе начинают пропадать дети, когда матери запирают двери и окна на замки, а сами ночами сторожат у двери, когда в школу бедных крошек водят группами, а учителя потом рассказывают о странных шорохах в коридорах храма науки и постоянном ощущении чьего-то злобного взгляда... Тогда даже очень глупый горожанин понимает – в город пришло зло. Зло, которое не прогонишь топором и факелом, не проткнешь багинетом. Зло, которое не уйдёт и не остановится. Которое будет становиться всё сильнее, пока не поглотит весь город, начав с детей и не оставив никого живого после себя.

Пришёл страх. Страх бессилия. Ни патрули. Ни молитвы. Ни бдительность горожан. Ни запертые ставни. Не помогало ничего. Дети продолжали исчезать. Продолжали умирать. А по ночам в городе видели странные мелкие силуэты каких-то тварей, таящихся в тенях и шастающих по крышам.

Но иногда случаются чудеса. Бывают совпадения прямо из сказок. Иногда униженным, испуганным и оскорблённым просто везёт. Впрочем, это был не тот случай. Просто тёплым днём месяца орналика знаменитый охотник на монстров Иоганн ван Роттенхерц на почтовой станции в трёх милях от Штальвесса, пока меняли лошадей в его карете, прочёл объявление.

Мольба были привычной, полной невыраженной муки и горьких стенаний целого города:

"В город под дланью его Императорского величества, Штальвесс, графства Литтенгофт, для исправления прискорбной ситуации с врагами рода человеческого, сиречь монстрами незаконными, требуется охотник на монстров, иначе же любой смелый человек, в ремесле сём сведущий, кой за награду достойную возьмется от напасти город надежно избавить".

Печать города – перекрещённые пушки и еловая ветка. И подпись. А внизу приписка – обращаться к бургомистру сэру Мальбору ван Рогзену.

Конечно, сердце старого героя дрогнуло от столь неистой мольбы. Он, как настоящий аристократ и мастер своего дела, не мог пропустить мимо ушей столь отчаянный призыв. К тому же у кареты ось нуждалась в ремонте, а денег не было. И потому Иоганн ван Роттенхерц поспешил в город Штальвесс, дабы избавить напуганное его население от сей мерзостной напасти.

Бургомистр Мальбор ван Рогзен был невысок, плотно скроен и обладал великолепной осанкой, присущей всем алмарам-аристократам, что в достаточной степени скрывало такие недостатки его облика как внушительный круглый живот и ранняя лысина. По каким-то только

ему ведомым причинам бургомистр не носил положенный ему по статусу парик, предпочитая отсвечивать внушительных размеров пятном голой блестящей кожи на голове, обрамлённой редкими светлыми волосами. Одет он был весьма прилично – в чёрный строгий кафтан, жилет, бриджи с чулками и великолепные башмаки с золотыми пряжками. Впечатление портит только рубашка с большим количеством кружев – бургомистр явно молодился и это ему не шло.

В данный момент, сидя в своём кабинете, на третьем этаже готической ратуши – гордости города Штальвесс, бургомистр, сдерживая брезгливость, рассматривал позднего посетителя.

В инвалидной коляске довольно странной конструкции, снабжённой какими-то ремнями, трубками, цепями и сонмищем сумок, мешков и подсумков, а также шипами на высоких колёсах, перед ним сидел старик.

Наверное, в лучшие годы это был сильный, высокий и довольно привлекательный мужчина. Теперь он походил на дряхлую развалину, сохранившую лишь тень былого величия. Вся сухая и жилистая фигура гостя была будто скручена постоянной болью, создавалось впечатление, что старик всё время напряжён. Сухие, жилистые крупные руки с синими венами стискивали широкие подлокотники. Взгляд голубых когда-то, сейчас выцветших, глаз был внимателен и постоянно обшаривал богато обставленный кабинет бургомистра, будто ожидая, найти что-то незаконное. А единственное, что было расслабленно в этой развалине – это парализованные ноги под клетчатым, красно-чёрным пледом с белыми полосками.

Меж тем, нельзя было не заметить благородное происхождение гостя – его породистое лицо не испортили ни многочисленные морщины, ни шрамы. Высокий лоб, чётко очерченные скулы, тяжёлый, присущий алмарской аристократии подбородок. Прямой нос с узкими ноздрями и загнутым от возраста кончиком. Брови вразлёт, тонкие напряжённые губы с опущенными уголками. Всё это складывалось в какой-то природной благородной гармонии, несомненно, в молодости этот старик был красив. Образ довершали седые, отливающие серебром волосы, стянутые в кавалерийскую косицу, перевязанные кожаным шнуром и чёрным бантом поверх.

Одет старик тоже был весьма знаково – со вкусом, но не кричаще. Чёрный сюртук с рядом серебряных гербовых пуговиц. Белая рубашка со стоячим воротником, стянутым простым шейным платком тёмно-серого цвета. Узкие чёрные штаны и совершенно непонятно зачем – кавалерийские сапоги, блестящие новой кожей.

Приди этот человек обсудить покупку дома в городе или даже по какой-то секретной государственной надобности, бургомистр сразу же расстелился бы перед ним ковром, с полной готовностью помочь и услужить. Но нет. Этот суровый старик в инвалидном кресле совершенно спокойно сообщил Мальбору ван Рогзену, что прибыл по объявлению. Он-де охотник на монстров и решит возникшую у города проблему. И потому бургомистру хотелось смеяться.

– Итак, герр ван Роттенхерц, вы утверждаете, что готовы решить нашу маленькую проблему? А не будет ли это вам в тягость? – поинтересовался градоначальник из своего глубокого начальственного кресла, обитого кремовой кожей, после того, как поздний гость представился и сообщил причину визита. Сейчас стоит упомянуть, что господин бургомистр не был женат, и у него не было детей.

– Маленькую? – проскрипел низким суровым голосом, без тени теплоты Иоганн. – Я тут поспрашивал, пока шёл к вам. Двенадцать детей за три месяца. Это в городке с населением не больше тысячи человек. Не сказал бы, герр ван Рогзен, что проблема маленькая. Особенно для родителей этих милых деток, – он чуть помедлил. – Деткам-то уже всё равно.

– Да, приношу свои извинения за бестактность, – раздражённо ответил Мальбор, ещё не хватало какому-то старику учить его оценивать неприятности города. – Проблема серьёзная. Но всё же, позвольте осведомиться, герр ван Роттенхерц, находитесь ли вы в достаточ-

ной форме, чтобы гоняться за монстром? Я же не могу позволить человеку вашего возраста и положения, так рисковать собой.

– В прошлом месяце оборотня поймал, – пожал плечами Иоганн. Забыв упомянуть, что оборотнем оказался сын булочника небольшого торгового городка, и он не гонялся с ним по всему городу, а выяснил личность, накрыл паренька в его же комнате и избавил от проклятья при помощи крепкого кожаного ремня и сваренного по случаю декокта. – А в положении бывают девицы, не следящие за честью, герр ван Рогнез, – он криво ухмыльнулся, – я же в отличной форме. Мне доводилось решать проблемы навроде вашей, во много более плохом состоянии, иногда даже придерживая кишки руками. И это было ещё до вашего рождения...

– Охотно верю! – заулыбался вежливо бургомистр, он решительно не понимал, как держать себя с этим стариком. Говорил он убедительно. Но выглядел...

– А с возрастом я стал только умнее, – закончил Иоганн, – нисколько не потеряв в сноровке. Поверьте, я не собираюсь соревноваться с тварью в стометровке. Я найду её и прикончу, за неделю. Быстро и эффективно. И ваши детки будут спать спокойно.

– У меня нет детей, – почему-то скривился Мальборк, похоже, припомнив что-то очень неприятное.

– Ну, – опять пожал плечами охотник на монстров, – вы несете ответственность за всех детей этого города. Они все почти ваши, – Иоганна забавляло поведение бургомистра. – И всего за какую-то тысячу рейхсталеров я верну покой в этот город.

– Тысячу?! – взвыл градоначальник. – Немыслимо! За эти деньги...

– Вы не сможете сделать ничего полезнее спасения ещё одной детской жизни, – отрезал ван Роттенхерц. – Впрочем, вы можете отказаться. Можете вызвать инквизитора. Он прибудет через пять-десять пропавших крошек и перво-наперво спросит с вас, как город докатился до жизни такой. А потом спросит с каждого.

– Я имперский аристократ, – топнул ногой ван Рогнез, – с меня инквизитор ничего не спросит! И, кстати, спасибо за идею!

– А население города вам не жалко? – сощурившись, поинтересовался охотник на монстров. – Хотя, этот же город под графским владением. Вас, видимо, назначили, а не выбрали?

– Бригланы по большей части, – отмахнулся бургомистр. – Набожные и невежественные. Они найдут с инквизитором общий язык. И наверняка будут петь псалмы на пытках. Да, назначили.

– И инквизитор вытрясет из них много больше, чем прошу у вас я, – решил зайти охотник с другой стороны. – К тому же он и его отряд – дознаватели, гвардия, секретари. Все будут жить за счет города. Много больше недели. Я так и понял, что назначили.

– Я могу нанять другого охотника, – не сдавался Мальборк, похоже, обоих говоривших занял сам процесс спора. – Помоложе и без запросов.

– Молодость не есть добродетель, – сухо рассмеялся и немного закашлялся Иоганн. – Ну приедет какой-нибудь молодчик с пистолями на ремнях. Весь в коже, за поясом палаш, за спиной двуручный меч. Трахнет вашу секретаршу, набьёт морду полицмейстеру. Кого-нибудь прирежет, когда не понравится, как с ним разговаривают в таверне. Деньги потребует авансом. Прогуляет их всё в той же таверне, ползает по окрестным лесам, ничего не найдет и сбежит. Таких надо нанимать, когда знаешь, где сидит монстр и что это за монстр, и без особых церемоний отправлять сразу в бой. А тут дело другое.

– Хорошо, – звучно расхохотался градоначальник. – Хорошо. Уговорили. Восемьсот рейхсталеров и по рукам.

– Мой дорогой друг, – голос охотника стал холоден и смертельно серьёзен. – Я не торгуюсь, и не развлекать вас сюда пришёл. Либо вы платите мне тысячу, причем по завершении дела. Либо продолжаете вылавливать детские трупы из сточных ям.

– Тысяча, – понуро кивнул ван Розген.

– Хорошо, – снова повеселел голос старика. – А теперь расскажите мне подробности дела, но прежде прикажите подать грога.

Есть несколько правил, следуя которым можно стать успешным охотником на монстров. Первое из них – охотиться, когда монстры слабы. Днём на ночных. Ночью на дневных. На оборотней в новолуние. И так далее.

А потому, когда Иоганн с напарником вошли в скрипучий старый дом через сумеречный сад, на дворе был светлый день. Вернее, даже полдень. Солнце тёплого месяца орналика заливало предместья Штальвесса весёлыми озорными золотистыми лучами. Погода была прекрасна. К сожалению, контрасты пугают сильнее.

Несмотря на годы и годы работы охотником, Иоганн ван Роттенхерц не разучился испытывать страх. И сейчас ему и его напарнику было крепко не по себе, в старом, ветхом, заваленном всяческим хламом доме с кирпичными пятнами на старом паркете и белыми занавесками на грязных окнах, через которые, кастрированный толстым слоем пыли, солнечный свет проникал в эту юдоль ужаса.

– Будем последовательны, – предложил Иоганн, прочищая мушкетон, чтобы снова его зарядить. – Осмотрим сначала первый этаж. И как можно внимательнее. Помнишь, в прошлом году в Шваркаресе, та вампириша выскочила из шкафа, который ты поленился проверить.

Напарник лишь что-то невнятно пробормотал типа "самвиноатхррр" и неспешно покатил инвалидное кресло по коридору. Напарником охотника на монстров был хальст. Представитель горного народа, обитающего на южных островах Империи – в самой холодной и негостеприимной её части. Этот конкретный не сильно-то отличался от сородичей. Ростом с полтора метра, чуть сутулый, кряжистый и широкоплечий, покрытый жёстким коричневым мехом, с двумя парами небольших рожек на голове и небольшим симпатичным хвостиком с кисточкой, подметающим за хозяином пол. Как и Иоганн, его напарник был калекой – около шести лет назад при пожаре он повредил глаза. Потерял три из четырёх, дарованных хальстам природой, в том числе оба верхних, отвечающих за тепловое зрение. То есть в определённом смысле он был слепым. А в определённом – одноглазым. С тех пор он неистово ненавидел нежить и особенно шевалье муэртас – боевитых умертвий, в которых превращаются аристократы после смерти.

Одет напарник охотника был весьма незамысловато – в жилет из прочной кожи со стальными клепками, образующими замысловатые узоры, и множеством карманов, штаны из прочного сукна и рубаху из грубой ткани. На голове он носил берет, висевший сбоку на двух рогах, и три металлических пластины на ремнях, закрывающих повреждённые глаза. Свои густые и жёсткие чёрные волосы хальст стягивал в хвост, подражая товарищу.

Тележка остановилась возле первой из дверей, когда-то изящной, с бронзовой ручкой и резьбой. Охотник на монстров флегматично, привычными движениями закончил заряжать мушкетон и кивнул напарнику. Удар когтистой, покрытой шерстью мощной лапы распахнул дверь. Хальст отпрянул в сторону. Старик направил в дверной проём мушкетон. Ничего не произошло.

Перед двумя непрошенными гостями этого дома предстала довольно светлая, запылённая, полная добротной, но старой и потрёпанной мебели комната. Судя по большому столу и восьмёрке стульев с прорванной обивкой в центре, служившая когда-то столовой.

Комната была освещена, но плохо. Свет слабо проникал через грязные окна и плотные шторы зелёного сукна. Десять секунд ничего не происходило. Затем многочисленные ящики и дверцы нескольких шкафов, расположенных у стен комнаты, загрохотали, повыскакивали и распахнулись. Оттуда посыпались... игрушечные солдатики. Обыкновенные детские игрушечные солдатики высотой кто в палец, кто в ладонь, кто-то был похож на имперскую армию, кто-то на гвардейцев архиепископа. Но все без исключения неплохо вооружены – ржавыми ножами,

вилками с частично обломанными зубьями, покрытыми засохшей кровью вязальными спицами, длинными гвоздями. Они были бы забавны, если б не были смертельно опасны. Четверо, выскочившие из-под гнилой скатерти обеденного стола, толкали крупнокалиберный пистоль, поставленный на лафет от игрушечной пушки.

Воинство устремилось к незванным гостям. Хальст, крепко ругнувшись, вырвал из ножен на поясе палаш с широким лезвием и фигурной чашкой. Иоганн оказался хитрее. Он быстро отложил мушкетон и достал из сумки, притороченной к креслу справа, небольшой флакончик. Из флакончика охотник на монстров высыпал серебристую пыль, проведя ею черту на пороге комнаты, за секунду то того, как первый солдатик добежал к нему и попытался ткнуть спицей. Попытка вышла неудачной. Злую игрушку просто отбросило назад, будто она наткнулась на невидимый барьер.

Отклонившись назад, ван Роттенхерц приподнял своё кресло, развернул его, быстро управляясь с колёсами, и откатился в сторону от дверного проёма. Через секунду пуля из комнаты, выпущенная из импровизированной пушки, вошла в стену коридора напротив. Солдатики неистово бились о невидимый барьер серебристой пыли, что-то отчаянно вереща писклявыми голосами.

– Пряма как битва при Хольстэме, только там были хмааларские сипахи, против стальных колонн пикинёров ван Бреффа, – улыбнулся напарнику Иоганн. Тот лишь вяло отмахнулся, убирая палаш. – Ну же! Бодрее, мой верный Гиттемшпиц! Это смесь серебра, соли и лунного камня. Она их задержит. Пока что-то не пересечёт черту с этой стороны, мы в безопасности. Как хорошо, что в таких местах нет мух.

– Зато тараканов дохрена, – откликнулся Гиттемшпиц хмуро.

– Пока ни одного не видел, да и вообще – будь веселее. Мы пока живы. Не драться же, в самом деле, с этим марионеточным воинством. Нужно найти кукловода. Ну, или куклово-диху, – бойко перебирая руками по колёсам, охотник на монстров уже направился к следующей двери. По возможности быстро миновав дверной проём (возможно, солдатики уже перезарядили "пушку"), хальст догнал его и, снова взявшись за ручки, повёз инвалидное кресло.

Пояснения бургомистра показались Иоганну спутанными и неполными. Создалось даже впечатление, что не слишком-то волнуют градоначальника пропавшие дети. Он явно смущен происходящим. Но скорее с позиции своей репутации и исконного провинциального желания "чтобы всё было тихо".

«Не знаю, откуда вы взяли цифру двенадцать. Но может вам сообщили что-то, чего не докладывали мне. Насколько я знаю, пропали восемь детей. Помню, месяца три назад, первым был сын моего второго секретаря. Оливер. Затем Джулия, дочь булочника Фаттеншвица. Герта и Миккель – дети кожевенника, с месяц назад. Остальных не помню, как зовут. Все как в воду канули. Вообще побеседуйте с полицмейстером герром Дуко Штольбрасом. В конце концов, он ведёт это дело. А у меня и так забот по горло – не успеваю за всем следить».

Что за такие важные дела могли быть у бургомистра крошечного провинциального городка, охотник на монстров понять не мог. И, честно говоря, подход этого благообразного толстячка к делу глубоко бесил Иоганна. Старик считал, что если ты за что-то взялся, то нужно делать дело качественно. Особенно если оно касается других людей. Тем более если они доверили тебе управлять собой.

Полицмейстер оказался грубым, злословным человечешкой скромного росточка и такого же ума. Зато злобой, похоже, стремился компенсировать всё остальное. Что характерно, он тоже был алмаром, как и большинство работников полицейского управления. Алмаром худшего пошиба – ничем не отличающимся от прочих жителей города, скорее даже уступающим им, но при том считающим себя выше прочих только потому, что представители его народа,

видите ли, создали и держали на своих плечах империю. Жаль, что ему ничего не передалось от ярких способностей его предков. По сути Дуко в довольно грубой форме отказался сотрудничать со "вздорным стариком-калекой, наверняка мошенником, решившим обманом вытянуть из города кровно заработанное золото". Будь Иоганн немного моложе, за подобное поведение он бы набил обидчику морду, ибо полицмейстер был неблагородных кровей, приставку «ван» перед фамилией не имел, да и вообще явно был подлым во всех отношениях человеком. Но сейчас поведение этого брызжущего слюной поросёнка лишь забавляло охотника на монстров. Полицмейстер боялся – боялся за свой мундир и свои доходы, за свою репутацию, боялся увольнения, ибо не мог сам решить проблему и боялся позора, если проблему решит кто-то ещё. Жалкое мелкое ничтожество. К слову, тоже совершенно безразличное к судьбам детей.

В итоге нужную информацию ван Роттенхерц узнал от рядовых сотрудников полицейского управления. Тех самых немногочисленных бригланов из него, которых и отправляли частенько "разгрести дерьмо" – искать пропавших детей и делать объезды самых мрачных участков вокруг города. Капрал Ульрих Торгмутт не без содрогания рассказал о детских конечностях, обнаруженных в соседних лесах. Конечности были будто бы отрублены, отпилены или отрезаны посредством множества мелких ударов. Об обрывках платьев и ленточках на подоконниках и верхушках домовых оград. О кровавых пятнах в пустых детских с выломанными ставнями. О детях, возвращавшихся из школы, с друзьями, якобы видевших, по словам тех же друзей, что-то очень интересное в переулке, и домой так не приходивших. И прочие, ставшие уже обыденными, ужасы тихого городка, где тихие люди тихо переживали своё повседневное горе.

После Иоганн также беседовал с родителями пропавших. Их друзьями, соседями, случайными разговорчивыми горожанами. Прочими полицейскими. Также он осматривал места, где пропадали дети. Искал улики, которые могли бы навести на верный след.

Зло всегда оставляет след, незаметные неопытному глазу признаки, которые отлично помогают профессионалу распознать истинного виновника происходящего. Там, где есть нечисть, часто начинают расти необычные растения или обычные растения начинают расти слишком активно. Если это злокозненные твари – им сопутствует ядовитый плющ, борщевик, омела, сорняки. Если добрые – лучше растут цветы и огородные растения. Нежить заражает всё вокруг разложением. В домах, поражённых некроэнергией, распространяемой нежитью, начинали быстрее портиться вещи, рассыхаться половицы, трескаться оконные стекла, выцветать яркие ткани. Демоны и различные производные ада сильно влияют на животных, если где-то суккубара – у всех окрестных кошек март. Им так же сопутствуют различные растения, например, демонам гнева – огненный львиный зев. А создания хаоса везде привносят дыхание моря, Пучины, из которой приходят. Такие вещи не замечают те, кто не стремится их увидеть. Но для профессионала они служат весьма верным маяком.

По завершении недельных поисков, расследований, рытья носом земли и осмотра окрестностей Иоганн был уверен, почти наверняка, что имеет дело с нежитью. И это не прибавляло ему хорошего настроения.

Прочие комнаты первого этажа оказались пусты. В гостевой комнате стояла небольшая мраморная статуя, изображавшая полководца древности, охотник забыл, как того звали. Статуя не подавала признаков жизни. Забавный факт, в общем-то, статуя не особенно отличалась от тех же солдатиков, но не была игрушкой. Она была произведением искусства, по крайней мере, многие её таковой, наверное, сочли. Произведение искусства не игрушка – развлечение для взрослых. А значит – не опасно. У кукольной девочки нет над ней власти.

Кухня встретила их пустыми закопченными котлами, сковородками на крючках, старой расколотой скалкой на мраморной столешнице, маленькими окнами, как и везде очень плохо пропускавшими свет, и жутковато выглядящей пузатой печкой с чугунной трубой. Это место навевало грусть, но опасности не представляло.

Ещё одной комнатой была комната слуг, несколько двухъярусных кроватей, ржавые ведра вместо ночных горшков. Одно окно. Слугам редко хорошо живется. На истлевшей простыне лежала простая соломенная кукла. Либо слишком слабая, чтобы заинтересовать девочку, либо слишком любимая кем-то, кто жил тут в прошлом.

Выбравшись в коридор, ван Роттенхерц с неприязнью, граничащей с ненавистью, посмотрел на шаткую деревянную лестницу – самого страшного врага инвалида. Болели руки, ныла спина, покалывало сердце, а теперь ещё и по лестнице тащиться.

Однако взбираться на второй этаж было рановато. Хозяева сами спешили навстречу. По трещащим ступеням, тяжело бухая ногами и мерно постукивая древком блестящей алебарды с засохшей на лезвии кровью и прилипшими волосками, к ним спускался заводной рыцарь. Большой ажурный ключ в его латной спине не вращался, механизм был не важен – кукольный конструктор обрёл жизнь.

– Проклятье! – выругался Иоганн. – Где они только находят такие куклы! Кто их делает! Это ж не фарфоровая чушка уже, это почти боевой голем.

– Какой-нить богатый засранец выпросил у папки на именины, а тут рядом везли, – пожал плечами хальст, даже не думая братья за палаш. Доспехи у куклы были настоящие – из полированных пластин бронзы, стали и серебра, с тонкой чеканкой.

Ругая богачей, колонии, которые приносят огромные доходы, искусных кукольных мастеров, кузнецов и "всё это долбаное благополучие", охотник на монстров пятился по коридору, вернее, его обречённо катил напарник, в то время как ван Роттенхерц суетливо шарил по многочисленным сумкам, прикрепленным к его креслу.

Заводной рыцарь сошёл по ступеням и наступал на двух стариков.

– Был же где-то здесь! Я помню, оставался, после охоты на мёртвого рейтара! – бормотал охотник, продолжая шарить по сумкам.

– Берегись! – рывкнул Гиттемшпиц и резко дёрнул на себя кресло. Лезвие алебарды с огромной силой врубилось в пол прямо перед ногами инвалида, если бы хальст помедлил, под ним могла оказаться голова охотника.

Рыцарь был уже совсем близко, со щёлканьем шестерёнок и металлическим скрипом он снова неспешно поднимал алебарду. С близкого расстояния можно было рассмотреть незаметные бурые пятна на его доспехе и обрывки кожи, свисающие из сочленений, в одном месте меж щелей доспеха даже застрял небольшой палец.

– А вот. Наконец-то! Напомни потом всё внимательно разобрать, – Иоганн был доволен собой, не каждый раз успеваешь найти спасение за секунду до смерти. Он достал небольшой пергаментный свиток – этакий небольшой костыль для тех, кто не умеет пользоваться магией. Одноразовое заклинание. – Свинина! – прочёл ван Роттенхерц слово активации, развернув свиток.

В заводного убийцу ударил луч насыщенной оранжевой энергии, на глазах все его детали начали покрываться ржавчиной, разваливаться, распадаться. Заклинание коррозии из школы металла сработало как нельзя лучше. Но недостаточно быстро. Алебарда, движимая последним порывом рук металлического монстра, обрушилась на инвалидное кресло. Иоганн рефлекторно дёрнулся, уходя в сторону, забыв, что ходить-то как раз не может, лезвие вошло в правый подлокотник кресла, пробив его насквозь, и погрузилось в сиденье. Сам ван Роттенхерц отделался легким испугом, царапиной на боку и порванной одеждой. Кресло свалилось вместе с владельцем.

Последовал жуткий скрежет и грохот. Заводной рыцарь в пятнах ржавчины и дырах быстрого гниения металла развалился в двух шагах от упавшего охотника.

– Будь любезен, подними меня, – с некоторой неприязнью взирая на груды металлолома, обратился охотник к напарнику.

Когда хальст поставил товарища на два колеса и извлек из кресла алебарду, ван Роттенхец заметил:

– Я буду очень разочарован, если через этот город проходит маршрут перевозки редких игрушек. И эта штука тут не одна, – затем он снова взглянул на лестницу. – Ну что ж, Гиттемшпиц! Развлечения кончились. Пора лезть наверх.

Монстров в мире существовало небывалое множество. С точки зрения ван Роттенхерца, их было чрезмерно много. Не то чтобы он сильно жаждал исчезновения монстров вообще – в конце концов, надо же на что-то жить. Но от многих экземпляров предпочитал держаться как можно дальше. Например, от паукообразных умертвий-дейхоков, некоторые виды которых плевались кислотой, а другие "рожали" из своего чрева полчища мелких кровожадных насекомых. Или от львов Голенгарда – по виду обычных львов, достигавших подчас размера небольшого крестьянского домика. Но если львы Голенгарда оправдывали своё существование хотя бы возможностью свершения подвига для многочисленных рыцарей и шевалье, то такие твари как дейхоки, тещины кости, гуттаперчевые танцоры и многие другие лучше бы вообще не появлялись на свет.

Мир оставался глух к мыслям старика. И потому приходилось иметь дело с тварями самых разнообразных форм, видов, оттенков, размеров и происхождения. Монстры были не только разнообразны. Они часто имели особенную историю происхождения. Подчас сложно было определить, имеешь ли ты дело с монстром или это нечто иное.

Сам Иоганн под монстрами понимал злокозненных для всего живого и в первую очередь для человеческого рода созданий, с которыми невозможно договориться, усмирить, приручить, избавиться никаким иным образом, кроме физической расправы. Такое определение он выработал довольно давно, а годам этак к девяноста размышлял выпустить научный труд по этому вопросу. Само собой, ван Роттенхерц охотился не только на такие создания, но только таких созданий он действительно искренне ненавидел.

Монстром при определённых условиях мог стать кто угодно, так или иначе соприкоснувшийся с мистическим. Часто всё зависело от обстоятельств. Вот, например, живет семья в доме, само собой при домовом или при брауни, кому что больше нравится. Оставляет доброй нечисти молоко в блюде, подметаёт в его углу, вежливо здоровается с ним, само собой, невидимым, когда входит в дом. Печёт пирог на праздник и прочее. В семье меняются поколения, меняется уклад, в судьбе разное случается, в один прекрасный день, дом переходит, например, младшему сыну. А сын вводит в дом жену – девушку из города, с деревенскими традициями незнакомую, сварливую и злую к тому же. Не всем везёт с выбором. И вот она перестаёт подметать угол домового, пьёт молоко сама, а в блюде не наливает, жрёт законный пирог опять же сама, а над суевериями мужа смеётся и грозит, если что-то плохое начнётся, просто привести в дом священника, чтоб он изгнал нечисть и всё. А домовый-то полезен. И терпелив. Как и двести лет до этого, он помогает по хозяйству, следит за скотом, следит, чтоб дети ни обо что не ударились и не покалечились. Помогает, чем может. А тем временем в семье как раз появляются дети. Они растут, а мать начинает прикладываться к бутылке, ссорится с мужем – тоже постепенно превращающимся в затюканного пьяницу, бьёт смертным боем детей, блюёт всё в том же неметённом углу ну и прочее. А она ведь хозяйка. На ней держится дом и его благополучие. Но домовый терпит. С трудом, но терпит. А потом эта дамочка берёт и решает снести дом, к чертям, или продать риэлторам, которые демоны знают, кого в него вселят. И это

уже перебор. Домовой плюёт на двести лет крепкой дружбы, звереет и решает с людьми больше дел не иметь. А жену находят с утра утонувшей в отхожем месте. Детям начинают сниться кошмары. Муж наяву видит даже после рюмки чертей идвигающуюся мебель. Семья сбегает из дома. А следующие, кто его занимает, начинаютдохнуть как мухи. Потому что домовой, злой и пресыщенный, уже перестал доверять людям и ничего хорошего от них не ждёт. Так становятся монстрами даже мирные существа.

Чего уж говорить о людях – они и при жизни бывают маньяками, педофилами, казнокрадами, взяточниками, а иногда даже адвокатами. И не удивительно, что после смерти они восстают в виде зомби или чего похуже и, движимые внутренней тьмой, продолжают вредить людям.

Потому монстров вокруг небывалое множество, сам мир плодит их в огромных количествах. А ему ещё активно помогают чернокнижники, демонологи, некроманты, безумные учёные и гадостная сила искажения Пучины.

По этой причине перед охотником на монстров при расследовании появляется очень много вариантов. Иоганн перебрал в уме и сравнил с приметаминемало известных ему тварей. Пока не остановился на самом подходящем варианте. Сначала он отбросил нечисть – есть множество духов и всяческих злокозненных созданий, промышляющих по детям. Например – ночные гости-бугимены. Но они редко действуют так грубо – предпочитая измотать и запугать свою жертву, а не рвать её на куски. Да и вообще нечисть всегда имеет определённый почерк, а также весьма территориальна – дети пропадали бы в определённом месте, на худой конец, проделав определённые действия (например, позвав местного монстра, типа пиковой дамы, трижды из зеркала).

Затем отпали демоны и тому подобные inferнальные существа – во-первых, находили бы много больше останков. Демоны, бесы, адские твари редко интересуются плотью. Они пожирают душу. Разрывание на куски и поглощение, например, сердца – лишь ритуал. К тому же не было признаков демонического присутствия, а их следы, как правило, очень заметны.

Хаос охотник отбросил, ибо просто не хотелось в него верить.

Из явных вариантов оставалась нежить. И действительно, многое указывало на действия умертвия. В городе разросся ядовитый плющ, в местах нападений встречался чёрный мох. На огородах было много без причины сгнивших растений. Так же характерный признак интеллектуальной нежити – отсутствие тел. Которые, скорее всего, сжирались. Поскольку исчезновения продолжались – нежити с логовом, где, вероятно, оставались тела. Такая, как правило, хуже бродячей – сумела окопаться и защитить себя.

Логово охотник нашёл раньше, чем понял, с чем имеет дело. Вокруг города было немало поместий, дач, местечек и загородных имений местной аристократии и богачей. Часто они располагались в достаточно недоступных живописных местах, которых была масса среди предгорий. В полудне пути от города по тропинкам, холмам и овражкам, Иоганн, уверенно ориентируясь всё по тем же следам некроэнергии, нашёл затерянный среди обширного парка старый домик, очевидно, покинутый жителями.

Его ветхость, хотя дом был не так уж стар – покинули его не больше десяти лет назад, сад с перекрученными и больными деревьями, разросшиеся сорняки и прочие признаки, а также несколько обрывков детской одежды, сказали охотнику, что след верен.

Но прежде стоило узнать, с чем имеешь дело, чтобы соответственно вооружиться. Иоганн был уже не так уверен, как раньше, что может справляться с такими делами посредством пистолета и сабли, лихим наскоком.

Озарение пришло неожиданно, когда ван Роттенхерц беседовал со школьным учителем. Они стояли во внутреннем дворе одноэтажной кирпичной школы и неспешно обсуждали происходящее. Что-то показалось странным охотнику на монстров. И он стал внимательнее присматриваться к детям. Он быстро понял, что именно. И невежливо прервав учителя, напра-

вился общаться с молодёжью. Дети боялись странного старика в инвалидном кресле, но на вопросы всё же ответили. У трёх из четырёх пропали игрушки. Солдатики, куклы, игрушечные лошадки, у кого-то даже музыкальная шкатулка с клоуном. Всё это как испарилось. Потому дети вынуждены были заниматься активными видами игр, а иногда просто колотить друг друга, смеха ради. Охотник понял, что за дичь ему попалась.

Их было два вида – кукольная девочка и кукольный мальчик. Как правило, дети кукольных дел мастеров или площадных актеров, устраивающих кукольные представления. Дети, умершие не своей смертью, к счастью такое случается редко, и восставшие из могилы. Это дети, любившие игрушки при жизни. После смерти они заставляют игрушки любить себя. Мальчик обычно собирает армию из оживших игрушек и превращается в бродягу, ходящего по городам и убивающего на дорогах припозднившихся прохожих. Как и большая часть облачённой плотью нежити, он вынужден питаться человечинной, чтобы продолжать существовать. Если мальчика не прикончить вовремя, его игрушечная армия невероятно разрастается и начинает представлять серьёзную опасность. Игрушки чувствуют кукольных детей и, если такой оказывается в городе, они оживают и отправляются к мёртвому ребёнку по первому зову. Девочка не так страшна, как мальчик. Она не путешествует. Но может стать настоящим бедствием для места, где поселится. Выбирая тихое, уютное, незаметное и хорошо скрытое место, обычно подвал или заброшенный дом, она создаёт в нём "кукольную комнату", стягивая к себе все понравившиеся игрушки из окрестностей. Ожившие игрушки изменяют себя, чтобы лучше служить своей госпоже и начинают кормить её, поставляя тела пойманных неподалеку от кукольной комнаты людей. А она отвечает им горячей любовью и материнской заботой, постепенно делая всё сильнее и страшнее свои любимые куклы, напитанные некроэнергией.

Иоганн был уверен – он имеет дело как раз с кукольной девочкой.

* * *

Лестница осталась позади. Гиттемшпиц тяжело дышал над ухом. Воздух с хрипом вырывался из легких старого хальста.

– Стоило бросить курить ещё лет двадцать назад, – флегматично заметил Иоганн, подъем дался ему нелегко, болели моментально уставшие руки, ныли суставы, кашель подкатывал к горлу. Пришлось глубоко дышать, пока они на пару закатывали тяжёлое кресло по крутым ступеням, а воздух дома был наполнен старинной сухой пылью.

– Уж лучше сдохнуть! – Чуть отдышавшись, ответил напарник наигранно бодрым голосом.

На втором этаже их больше никто не встречал. И это стало сигналом для охотника. Девочка была рядом. Это радовало, радовало и пугало – как всякая нежить, девочка должна была любить тёмные и сырые места. Ван Роттенхерц специально оставил подвал дома, а он тут был, напоследок, желая сначала избавиться от лишних помех перед главным блюдом. Противник был сильнее ожидаемого, если избрал своим обиталищем второй этаж. Он, вернее она, вела себя нестандартно, а значит, сюрпризов могло быть много больше.

Впрочем, разворачиваться и убежать всё равно было бессмысленно. Иоганн очень редко убегал от монстров и ещё реже отказывался от вызова, даже не начав сражение. С возрастом он не стал сильнее ценить жизнь, но стал больше гордиться своей репутацией. Умереть было не страшно, а вот читать в местной газете о похождениях старика-шарлатана было бы обидно.

Сухая рука вытянула из кожаной сумки, притороченной справа у кресла, два небольших амулетика на длинных бронзовых цепочках. Это были выполненные из кости фигурки младенцев, весьма грубо к тому же выполненные, но покрытые мелкой сетью колдовских значков. Тот, кто вырезал эти амулеты, был прекрасно знаком со своим ремеслом, но обладал посредственным художественным талантом.

Амулетики в чём-то тоже были мёртвыми детками, их прислал специальным курьером, по запросу старого друга, знакомый некромант Иоганна. Аляповатые фигурки были наполнены некроэнергией и могущественным колдовством. Из-за них пришлось почти на неделю затянуть поход в логово девочки.

Если верить словам некроманта – мэтра Думкорфа, лучшего из скрывающихся в империи еретиков, костяные младенцы должны были на короткий срок (мэтр ручался за десять минут, но могло быть и дольше), сделать человека невидимым для большинства видов нежити. Ван Роттенхерц был слишком стар и слаб, чтобы сходить с монстрами врукопашную, потому он взял себе за правило действовать наверняка, не оставляя противникам никаких шансов.

Охотник надел амулет, мизерные глазенки-впадины младенца засияли сине-зелёными искорками. То же сделал хальст, чуть ругнувшись, когда бронзовая цепочка при надевании зацепила и вырвала пару клочков шерсти. Ничего не изменилось. Но своему другу и должнику Думкорфу Иоганн верил.

Скрип колёс по старому паркету. Паутина в углах. Крик случайной птицы за окном. Ряд дверей по коридору, как внизу, справа и слева. В конце коридора окно. С бледными как почти везде занавесками, чуть колышущимися под легким сквозняком. Входная дверь внизу открыта.

Вот и нужная дверь. Из-за неё разносятся шорохи. За ней слышно легкое хихиканье. Из-за этой крупной двустворчатой двери с медными ручками-ангелами сильнее всего доносится запах гниющего мяса, витающий в доме.

Мушкетон покоится на коленях, поверх клетчатого пледа. Напарник обнажил клинок и напрягся, как всегда перед важной схваткой. Иоганн, наоборот, спокоен и расслаблен. Скоро всё закончится и можно будет отправиться в город. Получить деньги, починить карету. Немного побыть в праздности.

Сухие руки толкают створки двери. Они легко распахиваются внутрь. В нос бьёт волна вони. Гниль и тлен. Привычно, слишком привычно, чтобы даже обращать внимание. Ван Роттенхерц профессионал. Он тут же вскидывает оружие, выискивая взглядом цель. И видит её, даже не шелохнувшуюся на открывшиеся двери. Всё это очень неправильно. Так не бывает. Так быть не должно.

Комната полна жизни. Или, скорее, нежизни. На полках, в кукольных креслицах, обитых бархатом и парчой, в нарядных платьях с лентами и пышными юбками сидят фарфоровые куклы, бесподобно красивые, изящные, выполненные настоящим мастером, как и все игрушки тут. Фарфоровые куклы с ржавыми ножами, горящими синим огнем стеклянными глазами и ощеренными пастями, полными зубов из игл и гвоздей. В углу стоит розовая игрушечная лошадка, большая, на каких с восторгом смотрят дети через витрину магазина в зимний день. Из седла лошадки торчат шипы, сделанные из обломков кос и багинетов. Глаза гнилостно фосфоресцируют, пасть полна клыков из битого стекла и металлических обломков.

На полу игрушки попроще – большой плюшевый медведь, глазки-бусинки, внутри опилки, толстые лапки покоятся на большом пузе. В пузе опилок нет. Там зияет огромная пасть, в несколько рядов шипов и игл. Из пасти торчит кусок мяса.

Медведя окружают тряпичные простушки, куколки для детей победнее. Слишком слабые, чтобы держать ножи и тесаки, они проткнули себя лезвиями. Вот тряпичная пастушка, вся насквозь пронизанная вязальными иглами. Вот трубочист из грубой чёрной ткани в кривом цилиндре, к его тряпичным рукам примотаны лезвия разломанных ножниц. Вот принцесса в короне из цветной фольги, увитая мотками колючей проволоки. И их много. Слишком много.

С потолка свисают деревянные марионетки, в их пустых глазах виднеется затаённая злоба. Они более не позволяют дергать себя за ниточки, в ниточках запутались битые стекла, куски фарфора и ржавые шипы. Пьеро держит дубину с гвоздями, Арлекин сжимает моргенштерн, марионетка-Коломбина ласково прижимает к деревянной груди два гранёных стилета.

Вот докрутилась ручка на ящичке с сюрпризом, с хохотом вылетел чёртик из коробочки, с личиком злобного клоуна и небольшими рожками, вылетел и принялся размахивать опасной бритвой.

Из буфета у западной стены выглядывает фарфоровый младенец с идиотической улыбкой на пухлых нарисованных губах. Он сжимает в крючковатых пальчиках струну гарроты. Справа на столике сидит большая кукла-модница, расчёсывающая волосы-нитки острым стальным гребнем. Волосы зловеще шевелятся и постоянно меняют положение, вытягиваются, изгибаются, ищут, кого бы опутать.

Много кукол. Слишком много кукол для двух стариков.

На звук двери все куклы комнаты, весь сонм, сколько ни было, тут же повернули головы, некоторые тревожно повставали с мест, засуетились. Протяжно заревел медведь, рассмеялась жутким смехом Коломбина.

Но их хозяйка осталась стоять. Освещённая редкими тусклыми лучами солнца, вороваато пробивающегося через дыры в бархатной тёмной портьере цвета старого вина. Стройная, высокая, грациозная, с копной иссиня-чёрных волос, почти до пола, облачённая в белое, уже давно потускневшее, изорванное, в бурых пятнах свадебное платье с пышной многослойной юбкой и тесным корсетом, поддерживающим мёртвую, не вздымающуюся грудь.

«Что за бред! Такого не бывает. Не должно быть и не бывает. Взрослые не становятся кукольными детьми!»

И всё же кукольная девушка, сомнений в этом не осталось, когда хозяйка этого места, заваленного куклами и старой, вычурной мебелью, повернулась, существовала. У неё было узкое, миловидное лицо с большими, мёртвыми, остановившимися глазами, чуть капризными пухлыми губами и высокими скулами. Хорошая фигура. Изящные руки с длинными артистичными пальцами.

Недостаток света скрадывал детали, губы уже начали гнить, под чёрными волосами наверняка не хватало ушей, на тонких руках выступали пятна разложения, а тонкие артистичные пальцы были лишены плоти до второй фаланги, но снабжены длинными прямыми когтями.

Она обернулась. Невидяще. И не замечая гостей, посмотрела на распахнутую дверь. Охотник навел мушкетон. Тёмные губы девушки произнесли:

– Я не вижу тебя. Но знаю. Ты здесь, – куклы заволновались. – Ты всё равно убьешь меня, и это будет благо. Это будет... Справедливо. Но сперва, послушай.

Иоганн ван Роттенхерц был профессионалом. Он имел дело с вампирами, суккубами, льстивыми тварями Пучины и хитрыми келпи. Он не общался с монстрами. Он их уничтожал. Сухой палец потянул курок. Потянул и отпустил... Не выстрелив.

В небольших городках редко бывают кукольные магазины. Чаще всего в такие места, как Штальвесс, кукол привозят бродячие торговцы или коробейники в числе прочего товара, их покупают на ярмарках, люди побогаче заказывают кукол из больших городов от известных мастеров, в крайнем случае, просят друзей, что живут в местах покрупнее, прислать. Иногда в таких городах куклы могут изготавливать местные умельцы – плотник или портной, в качестве хобби или приработка.

Однако такое положение дел само собой делает маловероятным появление особенного монстра, вроде кукольной девочки. Потому Иоганна на некоторое время, пока он ждал посылки от друга, в процессе подготовки похода на логово твари, очень занял вопрос – откуда собственно кукольная девочка взялась.

В случае с такими редкими "именными" монстрами выяснение причин их возникновения было лишним – обстоятельства для каждого уникальны, чтобы повториться. Но про-

фессиональный подход и безделье заставили ван Роттенхерца потратить пару свободных дней на дополнительные расспросы. Узнавать о причинах происхождения монстров в целом было довольно полезно. По двум причинам. Первая – если есть стабильная причина появления чудовищ, можно рассчитывать на более или менее регулярный заработок. Вторая – как это называл Иоганн, "изредка выпадает возможность спасти мир", выскивая такие причины иногда можно было обнаружить любопытные обстоятельства. Всё что угодно – начиная от алтаря древних тёмных богов и заканчивая действиями чернокнижника. В первом случае необходимо было быстро принять меры, пока дело не перешло допустимые границы, и соответственно можно было требовать повышенный гонорар. Во втором – инквизиция хорошо платила за действительно важные доносы. Иногда, много чаще, чем хотелось бы, охотник просто не мог оставить дело незавершённым. Многие его коллеги, убив, например, с десятков зомби в какой-нибудь захолустной дыре, отправлялись дальше, прекрасно зная, что поблизости есть «неуспокоенное» кладбище, и через пару месяцев кадавры полезут снова. Принципиальный, и за это частенько себя ненавидевший, ван Роттенхерц так не мог.

В деле с кукольной девочкой ему всё тоже показалось не до конца ясным. Во-первых, в городе довольно долго (до появления монстра само собой) не умирали дети. Во-вторых, большая часть кукол в городе явно относилась к работам одного и того же мастера. И в-третьих, и охотника этот вопрос смущал более всего: оказывается, здесь располагалась кукольная мастерская, более того, известнейшая кукольная мастерская, работы которой заказывали чуть ли не со всей империи. Уже некоторое время мастерская была закрыта.

Выяснение причин навело Иоганна на мысли о нежелании продолжать их выяснять. Оказывается, куклы делала приемная дочь бургомистра. Уже довольно взрослая девушка, некоторое время назад захворавшая, и потому отправленная лечиться на воды своим любимым опекуном. При том, большая часть жителей города знала, что скоро готовилась свадьба между бургомистром и приемной его дочерью. Даже одобренная местным священником. И свадьба эта должна была произойти почти тогда же, когда девушка заболела. Буквально несколько месяцев назад. От всего этого дела начинало пахнуть мрачной провинциальной историей. Иоганн уже рад бы был перестать её «копать», но любопытство взяло верх.

Финал его расследования был довольно неприятен – бургомистр при вопросе о дочери сказал «заниматься своим делом и помнить о возможности найма молодого повесы в ремнях и портупелях». Полицмейстер – друг бургомистра – просто послал охотника в неведомые тёмные дали. Прислуга испуганно молчала. Городской священник – милый, круглолицый бриглан чуть за сорок, скромно сообщил, что не имеет права раскрывать подробности жизни своих прихожан, его, правда, расспрашивал Гиттемшпиц. А большинство горожан помимо прочего сетовали, что мол, так и не сумели погулять на свадьбе, а ведь она была уже почти готова.

Всё это добавило мрачных, хуже того, гнусных вопросов, и старик, как раз получив посылку с амулетами, просто решил плюнуть на это дело и заняться чем-нибудь полезным.

Мушкетон молчал. За спиной шумно сопел хальст. Куклы немигающими, неживыми глазами смотрели в дверной проём. Охотник вспомнил о градоначальнике и его дочери. Вспомнил и не выстрелил. Промолчал. Решил услышать продолжение истории мёртвой девицы в подвенечном замызганном платье. Он корил себя за глупость и непрофессионализм, подозревал начало маразма, но всё же не стрелял. Лишь молча глядел на труп с изодранной фатой в чёрных волосах:

– Меня зовут, – голос трупа был хриплым, таким же мёртвым и угасающим, как и тело из которого исходил, – меня звали Ребекка Гиттези.

Фамилия подтвердила подозрения Иоганна – девушка происходила из кихан, народа, обитающего на островах, на севере империи. Далёко её, однако, занесло, на беду к тому же.

– Мы с отцом приехали в город давно, я была совсем маленькой, ещё не ходила в школу, – продолжал мертвенный голос. – Он был кукольным мастером. Любил горы. Хотел тихой, спокойной жизни. В тихом городе. Говорил... Говорил, что чужие люди не могут обидеть сильнее, чем свои. Он от чего-то бежал. И я вместе с ним. Не помню. Он делал игрушки, любые, самые разные. Очень хорошие игрушки. Дети их любили. Взрослые любили. Помню, все восхищались. Люди приезжали издалека за его игрушками. А потом и за моими. Он учил меня. Показывал, как нужно шить, как резать по дереву, как плавить фарфор и стекло, как работать с металлом. Всему в своём ремесле научил.

К нам часто приходил бургомистр. Он давал мне конфеты. Хвалил моих кукол. Говорил, у меня талант. А потом они с отцом обсуждали дела. Мне всегда казалось, что он как-то недобро смотрит на отца.

Потом отец умер. А он, – мёртвая девушка надолго замолчала, похоже, пыталась что-то вспомнить. – Мальбор. Удочерил меня. Я плакала, когда отца зарывали в землю. Светило солнце. Птицы пели. А гроб забрасывали землёй. Он обнял меня и сказал, что всё будет хорошо. Почему-то ему не хотелось верить.

Мне было двенадцать. Через месяц после похорон Мальбор пришёл ко мне. Принес конфет. Попросил. Попросил продолжить делать куклы. Говорил, что дело отца должно жить, что людям нужны игрушки, чтобы радоваться. Что я должна дарить людям радость. Называл хорошей девочкой. И дышал жадностью.

Я не верила ему. Но продолжала делать кукол. Это помогало забыть. Но когда подросла... Поняла, что забыть нельзя. Я жила в его доме. Он почасту уезжал. Кабинет запирали. Но ключ выточить было несложно, легче, чем доспехи кукле-генералу для сына эрцгерцога, – её глаза полыхнули синим пламенем, руки с длинными когтями сжались в кулаки, густая, гнилая кровь полилась с ладоней, пропитывая кружевные перчатки. Мёртвая память, отголоски прошедших эмоций переполняли кукольную девочку, обида, нанесённая при жизни, была велика. – Красная коробочка! С синими цветами. Церковь! – речь её стала сбивчивой и несвязной. – Моя комната! Моя темница! Шестой камень от входа, левая стена. Всё там.

Я знала, что ничего не докажу. Я узнала кто он на самом деле. Я читала... Я видела его бухгалтерские книги. А позже... Позже начала замечать огонь похоти в его глазах. Он желал меня. Вождедел.

Я ненавидела его. Это грязное чудовище без чести и совести, – похоже, она цитировала что-то из прочитанного или услышанного при жизни. – А он меня вождедел.

Я всё узнала. Узнала его вину, узрела его грехи. Но могла ли девочка требовать справедливости от бургомистра. Я знала – мне не поверят. Высмеют. Обманут. Предадут. Но у меня был нож. Я вырезала им марионетки. Да, вот эти. Что висят здесь.

Моя спальня. Я позвала его прийти вечером. Нож был острый. А он дрожал от похоти. Удар в сердце. Рука дрогнула. Не страх – отвращение. Он озверел. Бил меня. Рвал одежду. Дважды порезал тем ножом.

Потом отправил в тюрьму. Для острастки. Полицмейстер, – она хрипло, неприятно, истерически рассмеялась. – Полицмейстер оказался смелее своего друга. Двое солдат не пускали никого в тюремные помещения. А он насиловал меня всю ночь. Потом бил и запрещал об этом кому-либо рассказывать. Грозил убить. Теперь я мертва.

Мальбор боялся, что я сбегу. Не хотел привлечь внимание к скандалу. Но куклы. Они дорого стоили. Они были ему нужны. Мне оставался год до совершеннолетия. У него были планы.

Священник. Авелан. Трус. Он трясся перед бургомистром, стелился ковром. Заискивал и уверял, что всё будет в лучшем виде. Потом он уверял меня, что делал это ради общины. Ради своей паствы. Ради общего блага. Ради общего блага он запер меня на год в тесной келье в церкви, за крепким забором. Послушники носили мне еду, меняли горшок. Приносили мате-

риалы и инструменты, уносили кукол. Надо было что-то делать. Чтоб не сойти с ума. Целый год. Несколько раз меня выпускали гулять в парк. Все знали, где я. Всем было наплевать.

Он благословил Мальбора. Они даже нашли адвоката. Тот нашёл лазейку в законах. Они готовили свадьбу. Церковь и закон. Всё на стороне бургомистра. В тот день он выпустил меня из церкви, показал платье. Говорил красивые слова. Убеждал, что всё будет хорошо. Гладил по волосам. Восхищался, тем как я подросла и похорошела. За год. В келье.

Дом не монастырь. Я бежала ночью. Наутро должна быть свадьба. Но он не мог торжествовать. Я просто не верила в это.

Потом помню ночь, горная дорога, стук копыт за спиной. Они выследили меня. Догнали. Но так не должно быть. Я не хотела. Не собиралась так жить.

Обрыв над горной рекой. Холодная вода. Острые камни. А потом голод. Голод и куклы. Голод и плоть. И мои куклы кормят меня. И месть всё ближе.

Мёртвая девушка замолчала. Это было невысказано. Но имело смысл – она ничего не любила в жизни, кроме кукол, и ничего, кроме кукол, в жизни не имела. Уникальный случай. Возможно, позже Иоганн даже его запишет.

Перед ним стояло живое воплощение человеческой жестокости, чёрствости, алчности. Всего гнусного, что есть в живых. Но палец на курке больше не дрожал. Она была мертва. Её нежизнь стала наказанием для безразличного города.

Он понимал её. Ван Роттенхерц почти чувствовал горе этой девушки. Но пол красивой комнаты с прекрасно выполненными куклами и старинной мебелью, был липким от крови. В центре комнаты перед говорившей навалом лежали тела. Тела и частички тел. Изломанные, выпотрошенные, с мёртвыми глазами, в которых застыл ужас, детские силуэты. Вот голова девочки лет шести, с соломенно-светлыми волосами. Вот мальчик в школьной форме, его живот разорван, внутренности и чёрная кровь вываливаются на старый паркет. Вот свежий труп – последняя пропавшая девочка двенадцати лет. Анна. Тоже очень любила куклы. Она боролась до последнего – всё тело в рваных, колотых, резаных ранах, руки отпилены, платье с бантами и оборками изорвано.

Перед Иоганном ван Роттенхерцем был монстр. Уже давно это была не несчастная девушка с грустной жизненной историей, а кровожадное чудовище. Наполненная нечестивой силой, алчущая живой плоти тварь.

Залп. Пороховой дым. Крупная дробь превращает тело хозяйки марионеток в грудку фарша в белом платье. Куклы издают синхронный вой, огонь в их игрушечных глазах медленно гаснет.

...И вот за спиной догорает старый особняк. Он уносит все свои истории – добрые, злые, кошмарные. Уносит в пламенное небытие. Иногда душа поверженной кукольной девочки может вселиться в любимую куклу. Потому всегда необходимо уничтожить всё логово монстра. Все куклы. Даже если они созданы гением.

Город заплатил за безразличие, монстр заплатил за злодеяния. Но виновные, создавшие монстра, всё ещё в неоплатном долгу. Скрипит инвалидное кресло, подпрыгивая на дорожных камешках. Ворчит за спиной старый хальст. Но Иоганн этого не замечает, его мысли направлены в непривычное русло. Он думает о справедливости.

* * *

Церковь была довольно приличной – кряжистое каменное строение с высоким шпилем, как принято у бригланов, резные фигуры святых на карнизах, мозаика со священным кругом над входом, двустворчатые двери из лакированного дерева приветливо распахнуты.

Закрываются ворота в окружавшей территории церкви каменной стеной. Оставалась лишь узкая кованая калитка, похоже, большого притока верующих тут не ожидали.

Инвалидное кресло с трудом протиснулось в калитку, за ней оказался ухоженный сад с извилистыми каменными дорожками и несколькими потемневшими от времени статуями святых. Глубже виднелся огород с теплицами, колодец, несколько хозяйственных строений. В том числе длинное жилое здание с кельями. Где, скорее всего, и держали в своё время Ребекку.

Было около пяти часов вечера, солнце клонилось к закату, до ближайшей службы оставался час, времени для беседы должно было хватить.

Иоганн много думал на обратном пути к городу, и решил перед тем, как забрать заслуженный гонорар у бургомистра, неплохо бы посетить городского священника.

Охотник кивнул хальсту, они переглянулись, напарник кивнул в ответ. Гиттемшпиц отправился в сторону жилого строения, кресло покатило силами своего "наездника" в сторону церкви.

Отец Авелан нашёлся у алтаря, рядом с чашей святой воды. Это был высокий тёмноволосый мужчина средних лет, с благообразным круглым лицом и добрыми глазами. Он отдавал распоряжения нескольким церковным служкам, касающимся уборки помещения. Следовало отдать должное – церковь выглядела ухоженной и очень чистой, о здании очевидно хорошо заботились.

– Отец Авелан? – проскрипел старческий голос, говоривший кашлянул.

– Да, сын мой, – откликнулся священник и, обернувшись, был несколько удивлен, увидев перед собой старика на кресле-каталке, даже подумал, уместно ли такого называть сыном.

– Я хотел бы поговорить о Ребекке Гиттези, – реакция святого отца позабавила охотника на монстров, и он сразу решил усилить замешательство собеседника.

– Я, вы... Но. А как же. Само собой, – священник побледнел, у него сразу сел голос. Жестами пригласив гостя следовать за собой, Авелан провёл его в свой кабинет, расположенный в глубине церкви.

Кабинет был таким же чистым и ухоженным, как вся церковь, похоже, у священника не было недостатка в помощниках. При том, место было довольно аскетично обставлено. Только необходимое – стол тёмного дерева, шкаф для одежды и книг. Простая деревянная кровать. Полочка с Книгой многих ликов и бронзовый круг над ней.

– Так о чём именно вы хотели поговорить... эээ, сын мой? – священник запер за гостем дверь на засов, затем прошёл за свой стол и опустил в рабочее кресло с низкой спинкой.

– Иоганн ван Роттенхерц, – было даже немного обидно, что Авелан до сих пор не слышал о нем, в конце концов, охотник работал в городе уже больше двух недель. – Я хочу поговорить о девушке, которую год держали взаперти на территории вашей церкви. Пару раз, правда, выпускали погулять по саду. Девушке, которую как рабыню держали здесь взаперти и заставляли работать.

– Но откуда вы? – священник замешкался, его румяное лицо начало краснеть. – Как вы это всё узнали?!

– Она сама рассказала, – мрачно наслаждаясь эффектом, ответил Иоганн.

– Но я слышал... – священник поражённо смотрел на собеседника.

– И правильно слышали. Она рассказала мне об этом. А затем я её упокоил, – Старик флегматично потянулся и хрустнул костями сцеплённых рук.

– О, – сконфуженно кивнул Авелан.

– Я не собираюсь вас судить, святой отец, – спокойным, чуть грустным голосом продолжил ван Роттенхерц. – Просто хочу узнать, почему? Что заставило вас, человека, принявшего сан, пойти на подобный поступок?

– Не ожидал я, – глухо проговорил священник, – что умертвия способны к исповеди. Вы хотите знать причину? – Взгляд тёмных глаз Авелана пересекся с взглядом Иоганна, – Дело в бургомистре. Дело в моей пастве. Дело в тех, за кого я взял ответственность! – он распался сам себя, судорожно искал аргументы, вскочил, размахивая руками. – Я должен думать о бла-

гополучии общины! О своих прихожанах. Я должен заботиться о мужчинах и женщинах этого города, о тех, кто вверил себя моим заботам. О тех, кто надеялся на меня!

– И как это связано? – с улыбкой на тусклых сморщенных губах поинтересовался охотник.

– А вы и правда, не понимаете? – вяло рассмеялся священник. – Мы бригланы. Я и моя паства. А здесь, – он чуть помолчал, – здесь почти алмарская земля. Здесь они – бургомистр, полицмейстер, граф, который над ними. Здесь они сильнее меня. Неужели вы думали, что я стану воевать с имперской властью, которую, как ни печально, представляет здесь Мальбор, ради какой-то безродной девицы?

– Ясно, – Иоганн давным-давно разучился злиться, он просто становился всё мрачнее. – И сколько он вам заплатил?

– Вы думаете, дело в деньгах? – расхохотавшись, отец Авелан снова опустился в кресло, облокотился о стол, вновь посмотрел в глаза охотника на монстров. – Я бы не взял у него денег. Пусть сам купается в своём неправедном золоте. Я уже сказал. Я защищал свою паству. Эта вздорная девица и так принесла многовато проблем. Гарольд Ригхофф возмущался её положением. Теперь он, бедный горшечник и его семья, ещё двадцать лет будут платить полуторный налог. Марта прилюдно обругала бургомистра, за то, что он удочерил девочку только из-за денег. На следующий год её сына забрали в рекруты. Единственных детей в рекруты обычно не берут. Ещё примеры? Или вы всё поняли? Каждый из нас делает то, что должен. Пока эта девица была у меня в приходе, всей общине дышалось легче, Мальбор не смел даже слова поперек мне сказать. Если бы понадобилось всё повторить, я бы не сомневался ни секунды.

– Ясно, – кивнул Иоганн, – и всё же. Имперская власть? У вас же тоже есть друзья. Кардинал? Епископ? Синодские священники? И вы жалуетесь на недостаток защиты? – улыбка играла на тонких губах.

– Нет, – Отрицательно помотал головой отец Авелан. – Если бы речь шла о бриглане, если бы речь шла о человеке, чья жизнь оправдывает борьбу, я бы не сомневался ни секунды. Но это был безродный северянин, почти язычник, они и в церкви то бывали не каждую неделю. А по пьяни он богохульствовал. Жадный, вороватый, хитрый, как все кихане. Ни он, ни его отродье не заслуживали защиты.

– А как же любовь и всепрощение Единого? – криво усмехнулся ван Роттенхерц.

– Любовь Единого безгранична. В данном случае, я думаю, Господь даровал несчастным новое, благополучное рождение! – пожал плечами священник.

– Что ж, ваша позиция мне ясна, святой отец, – Охотник начал разворачивать коляску, собираясь уезжать, – но есть ещё один момент... – будто опомнившись, старик остановил движение. – Эта девушка. Ребекка. Погибла в горах. Убегая от погони. А затем вернулась. Вернулась в виде опасной нежити – кукольной девочки. И в этом есть ваша вина, святой отец, вина не меньше, чем вина бургомистра или полицмейстера, который её насильовал. Вы об этом тоже не знали? Сомневаюсь. Она вернулась и из-за вашей чёрствости, трусости, глупости, в конце концов. Из-за неё пропадали дети, которые уже не вернуться в свои семьи. Дети людей из вашей паствы. Возможно, теперь вы что-то переосмыслите, святой отец. Вы защитили общину от бургомистра, но навлекли на неё более страшную участь. Тот факт, что ответственность за произошедшее вы разделяете с двумя алмарами, возможно облегчит вам совесть, или поможет понять – гнусность не имеет народности.

Священник молчал.

– Доброго вечера, святой отец, – скрип колёс инвалидного кресла медленно удалился по коридору.

В тот день отец Авелан впервые опоздал на проповедь.

На каменной дорожке, ведущей к выходу, охотника на монстров нагнал напарник.

– Достал? – весело поинтересовался Иоганн, после беседы со священником ему стало легче.

– Обижаешь! – отвечивал хальст, протягивая ван Роттенхерцу красную лакированную коробочку с синими цветами.

* * *

В коробочке и правда нашлось немало. Ребекка была очень смышлёной девочкой. И от того было ещё печальней, что её ум уже никому не принесёт ни пользы, ни радости. Там были выписки из счетов, было письмо полицмейстера бургомистру, было, как ни странно, завещание отца Ребекки и многое другое. Шел Гиттези. Так звали кукольного мастера. Он составил неглупое завещание и даже нотариально удостоверил его в столице. Важный документ. Немалое наследство – пятьдесят тысяч рейхсталеров и все доходы от кукольного магазина должны были достаться дочери, и только ей. Она уже почти владела всем, но до совершеннолетия не могла воспользоваться. Опекуном-то стал Мальбор. Он же был владельцем серьёзной доли в кукольном магазинчике. По всему выходило, что градоначальник решил избавиться от кукольника, когда понял, что магазин на плаву может поддерживать дочь. И успешно провернул дело. По крайней мере, в письме полицмейстера пространно об этом упоминалось, а также о том, что исполнитель уехал из города и ни о чём никому не расскажет. Интересно, зачем Мальбор вообще хранил такие вещи. Опереточный злодей прямо.

Дальше всё было ясно – ван Рогзен ждал совершеннолетия девушки, чтобы насильно жениться. Не совсем ясно, двигала ли им лишь жадность, или что-то ещё, однако оправдания для его поступка найти не представлялось.

Оставалось ещё изнасилование. Мёртвые, сохранившие память, часто помнят факты искажёнными, смешивают то, что было ими где-то услышано, прочитано, увидено на сцене с фактами из собственной жизни. Иоганну сложно было поверить в столь сильную разнузданность полицмейстера, толкнувшую его изнасиловать девушку, на которую имел виды бургомистр.

Поскольку беседовать с самим Дуко Штольбрасом было бесполезно, охотник на монстров опять решил прибегнуть к услугам капрала Ульриха. Торгмутт оказался очень ценным свидетелем. На него никто не обращал особого внимания, и полицмейстер не видел в капрале-бригане особой угрозы. А меж тем честный труженик внимательно подмечал ошибки своего патрона – мелкий тираниска-полицмейстер давно сидел парню поперёк горла. Ульрих был свидетелем изнасилования – двое солдат-алмаров стояло на часах, а он меж тем занимался бумагами в своём маленьком кабинетике. Капрал слышал и приглушённые женские крики, и громкую ругань полицмейстера. Он даже подходил к караульным – спросить всё ли в порядке, за что был грубо и матерно послан заниматься своими делами.

Но это было ещё не всё. Днём, когда Ребекку доставили в тюрьму, Ульрих слышал, как полицмейстер и бургомистр долго беседовали, уединившись в кабинете последнего. Как уже было сказано, парень имел зуб на начальство, он даже и не скрывал, что подслушивал. Бургомистр сам попросил изнасиловать девушку, правда, предлагал, чтобы это проделал кто-то из солдат. Он хотел позже выступить для неё защитником и спасителем, «вытащившим» её из страшных застенков. К тому же, Мальбор терпеть не мог иметь дело с девственницами.

Вдобавок Торгмутт рассказал, что действительно, один из «любимчиков» Дуко почти сразу после смерти кукольного мастера был переведён в большой город (графскую столицу) на повышение с рекомендациями. Капрал запомнил это, ибо сам хотел попытаться получить такое назначение, но над ним ожидаемо посмеялись.

Беседа происходила в небольшом кабаке напротив полицейского участка. Уезжая, в дверях Иоганн столкнулся с полицмейстером собственной персоной.

– Ооо! – расплылся в наигранной улыбке Дуко. – Приветствую, мэтр! Ну как идут дела? Поймали своего монструма? – Штольбрасс гулко, особенно для его небольшого роста, рассмеялся.

– Почти, мой дорогой полицмейстер, почти, – весело откликнулся старик. – Я уже буквально вижу его перед собой!

– Ну-ну, – покровительственно кивнул мелкий грешник и, хлопнув охотника на монстров по плечу, прошествовал внутрь, бросив вскользь: – Удачи вам!

* * *

В кабинете бургомистра было по-своему уютно, через распахнутое окно лился свет уличного фонаря и вечерняя прохлада, наружу уносило дым от большой сигары, которую изволил курить герр ван Рогзен.

– Итак, – поинтересовался градоначальник, рассматривая вечернего посетителя, настроение у него было расслабленное и благодушное – похоже, мокрое дельце с детишками близилось к завершению, – каковы ваши успехи, герр ван Роттенхерц?

– Всё готово, – отвечал старик в инвалидном кресле. – Свои обязательства я исполнил. Монстра уничтожил. Его логово сжёг.

– Отрадно! Весьма отрадно это слышать, герр ван Роттенхерц! – отвечает Мальбор и улыбается. – А где же, позвольте спросить, доказательства? Ведь должны же быть какие-то вещественные улики сотворённого вами благодеяния?

– Вы не верите мне на слово, герр Рогзен? – Иоганн сокрушённо покачал головой. – По-прежнему считаете, что почти три недели я занимался тут чепухой? Наслаждался видами вашего милого городишки?

– Я ничего такого сказать не желаю, – хорошее настроение начало улетучиваться. – Я лишь прошу доказательств! Дабы иметь законные основания выплатить вам девятьсот пятьдесят три рейхсталера.

– Опять началось, – всплеснул руками охотник на монстров. – А сорок семь – это, видимо, налоги, сборы, пошлины, ещё что-то.

– Ну, разумеется! – начал было бургомистр.

– Хорошо хоть вы не решили меня прикончить, как бедного Гиттези, – грубо прервал его ван Роттенхерц.

На некоторое время в комнате повисла тишина. За окном прошёл полицейский с колотушкой, уведомляя город: «Одиннадцать часов вечера! Спите спокойно, горожане Штальвесса! Всё спокойно!».

– Я не совсем понял ваш намёк, герр ван Роттенхерц, – очень сухо, растягивая слова, произнёс градоначальник, в упор глядя на собеседника. Нужного эффекта не выходило. Старик смотрел в окно, на восходящий Хас – красную луну злодеяний.

– Я поймал монстра, герр ван Рогзен, – медленно и спокойно начал охотник. – Я уничтожил его. И в этом вы можете не сомневаться. Но так уж вышло, что перед тем, как уничтожить, я её выслушал. Мы живем, герр бургомистр, в интересном мире. Иногда те, кому мы причинили зло, возвращаются воздать нам за грехи. За ваши грехи платил ваш город. И думаю, город заплатил достаточно. Останки бедных крошек мне пришлось сжечь без достойного погребения, там же. В логове монстра. Я побоялся, что кто-то из них восстанет после смерти, как восстала Ребекка Гиттези, – бургомистр был неплохим игроком, он сохранял спокойствие. – Да. Та самая Ребекка, чье состояние вы пытались присвоить, чью жизнь вы искорёжили. Вы убили её отца. А затем, пусть и не своими руками, убили её саму. Второй раз её убил я. Но прежде она поведала мне о ваших, герр бургомистр, злодеяниях. Алчности, злобе, похоти. Интересно, сколько демонов в аду породили ваши грехи? Держу пари, не одного и не двух. Прежде чем обвинять меня в нечестности, уладьте свои дела, герр ван Рогзен.

Охотник на монстров замолчал.

– Если это способ выбить из меня побольше денег, – градоначальник перевёл дух и резко потушил сигару в пепельнице из слоновой кости. – То он сработал. Я дам вам, герр ван Роттенхерц, две тысячи рейхсталеров, и мы оба забудем о Ребекке Гиттези. Забудем навсегда. Не знаю, что она вам наговорила. Но не сказал бы, что это была милая девочка. Воспитывать её после смерти отца было истинным наказанием. Она была служанок, а когда ей принесли не те материалы для кукол, кажется, парчу вместо шёлка, она облила дворецкого расплавленным оловом. А потом всегда весело звала его «мой оловянный солдатик». Мне приходилось нанимать для неё репетиторов, в школу я её не пускал, после случая с одноклассницей. Они о чём-то повздорили, и Ребекка выколола подружке глаз вязальной спицей. Над учителями она тоже издевалась. Репетиторов я менял каждые полгода, – Мальборк говорил, а голос его становился хриплым от возбуждения, похоже, описания зверств подопечной восхищали этого провинциального тиранчика. – Сначала оскорбляла их, унижала, пыталась щипать, бить, обливать чернилами и прочее. Позже начала пытаться соблазнять. Выходила на занятия в ночной рубашке. Говорила намеками, ну и так далее. Вы наверняка знаете – женщины, даже маленькие, это умеют. Весьма нелегко было держать эту девицу в доме. Но не отрицаю. Я её любил. Даже привязался.

– И потому устроили ей изнасилование? – поинтересовался между делом ван Роттенхерц.

– Она пыталась меня убить! – Мальборк сально улыбнулся. – К тому же я слышал, она не сильно-то сопротивлялась.

– Сомневаюсь, – пожал плечами охотник. – Легко говорить о людях, уже не способных защитить своё доброе имя, – он не сильно верил рассказам этого жалкого аристократа.

– В любом случае, инцидент исчерпан, – бургомистру хотелось оставить последнее слово за собой. – Она бежала ночью, в платье, которое я ей купил. Очень дорогое платье. И, насколько мне известно, оступилась на горной дороге и упала в реку. Думаю, с тех пор это была уже не она. Так вы её уничтожили? – ван Рогзен внимательно посмотрел на собеседника. – Доказательства?

– Прошу, – сухая старческая рука выставила на стол оловянного солдатика, вооружённого столовой ложкой. Многие из игрушек сохраняли свою тёмную нежизнь даже после уничтожения кукольного ребёнка. И это было ещё одним поводом сжечь тот особняк.

– Что это? – с любопытством глядя на фигурку, поинтересовался градоначальник.

В следующий момент с воинственным писком солдатик бросился на бургомистра и начал гвоздить его ложкой по лбу, Мальборк потерял самообладание и свалился на пол. Не теряя времени, оловянный монстрик попытался выколупать у своей жертвы глаз. Но ван Рогзен уже пришёл в себя и резким ударом смахнул легкую фигурку с лица. Отлетев, солдатик ударился о колесо инвалидного кресла. Ван Роттенхерц подхватил разгневанного воина, тяжело вздохнул и разломал фигурку в пальцах на множество мелких частей, вместе со стальной ложкой.

– Таких, а также тварей похуже, там был полный дом. Так действуют кукольные дети, одной из которых стала Ребекка, – Дождавшись, когда бургомистр поднимется, сообщил охотник. – Я скажу вам, где располагается пепелище логова. Можете съездить, проверить. Может там ещё остались целые марионетки.

– Нет, – быстро приходя в себя, ответил градоначальник, оправляя сюртук, – я вам верю. Он достал из ящика стола две шкатулки – одну побольше, инкрустированную жемчугом, вторую маленькую, металлическую, с чеканными узорами. Очень быстро и умело Мальборк пересчитал с первой во вторую две тысячи монет. Больших и круглых рейхсталеров с портретом императора с одной стороны и имперским дракоком с другой. – Прошу. Вы это заработали. Но забудем, наконец, об этой чертовке Ребекке!

– Благодарю, – старик принял коробку, особо не считая высыпал обратно на стол половину содержимого и подмигнул бургомистру. – Я-то забуду. Но эти деньги... Потратьте, что ли, на индульгенцию. Вам замолить грешки не помешает. А вторую купите вашему священнику.

Засим охотник на монстров распрощался и при помощи хальста покинул помещение.

* * *

В тихом гостиничном номере было по-летнему жарко и немного душно, пылью дышал старый комод, шкаф красного дерева, кровать с давно не меняной периной. И всё же было уютно. Много уютнее, чем в кабинете бургомистра. За узеньким, но чистым (по возвращении из логова Ребекки Иоганн приказал дочиста вымыть все окна в его трёхкомнатном номере) окном, выходящим во внутренний двор гостиницы, раскинулся небольшой сад. Зеленели тополя и клены, плющ взбирался по старой каменной ограде, журчал небольшой фонтанчик в виде королевского карпа. По небу плыл убывающий красный Хас, а чуть ближе к горизонту из чёрных облаков выглядывала тонким месяцем стыдливая Лунная Леди.

Старик опять расхворался. Иоганн ван Роттенхерц очень долго охотился на монстров. Почти всю жизнь. Такая работа быстро изматывает. Его бурная молодость прошла в тёмных кавернах, наполненных гниющим мясом, в лесах, где каждый шорох предвещал недоброе, сумрачных замках с высокими шпилями и пещерах, дышащих злобой. Он встречался с оборотнями, вурдалаками, мантикорами, мелкими драконами и огромными львами, соревновался в хитрости с вампирами, по теням преследовал монстров иных пространств. Это не под силу простому человеку. Приходилось принимать алхимические декокты, чтобы временно увеличить силу, использовать магические амулеты и колдовство, порой даже чёрные, губящие душу чары. Это ремесло не было мирным. К сорока годам Иоганн устал считать шрамы, переломы, ушибы и гематомы. Он пил волшебные зелья-регенераторы и платил бешеные деньги магам жизни, много жертвовал на церковь Единого Целителя. И всё равно, к пятидесяти организм одряхлел. Это было ожидаемо. Столько вредных воздействий, столько ран. Зелья-регенераторы корежат тело – они черпают твои скрытые ресурсы, отбирают долгосрочные запасы жизни, и главное – они сказываются на потомстве. Ван Роттенхерц не мог иметь детей. Вернее, мог. Но вероятнее всего, они родились бы нежизнеспособными уродами, мутантами, просто мёртвыми. Ни одной из женщин, которых любил, он бы не пожелал участи носить такое в себе. У него рано начался артрит. С трудом удалось остановить цирроз печени. Плохо сворачивалась кровь. А в плохую погоду, особенно в последние дождливые месяцы года ихтионис и фиратонакреш, он весь превращался в огромный ноющий болью ком. В шестьдесят он просто не смог встать с кровати. Отказали ноги. Думал, конец – отвоевался. С трудом научился пользоваться креслом-каталкой. Пережил необходимость посторонней помощи при оправлении естественных нужд. Из последних сил боролся с меланхолией. А потом старому другу понадобилась помощь. И без Иоганна никак. Так он без ног, на одной силе воли и при помощи Гиттемшпица вновь начал гоняться за оборотнями, выслеживать вампиров, умиротворять разбушевавшуюся нечисть. Это была его жизнь. Без этого дела он был ничем.

Сухая рука взяла перо. В соседней комнате храпел напарник. Стол был высоковат для кресла, приходилось вытягивать шею. Чистый лист освещала красноватая восковая свеча. Буквы начали ложиться неровно, почерк был дрожащим, но убористым.

«Дорогой друг! Ввиду чрезвычайных обстоятельств к моему великому прискорбию сообщая, что мне потребовалась твоя помощь в одном неделикатном и гнусном деле...»

Всю свою жизнь Иоганн боролся с монстрами, чудовищами, опасными тварями. Часто они были результатом человеческой глупости или жестокости, иногда плодами злонамеренных экспериментов, иногда производным общественного произвола. В молодости он относился к этому проще – в общем-то, ему было просто наплевать на происхождение монстра, он ни к чему не стремился, кроме совершенства в профессии, ни во что не ввязывался. Позже не судил

осознанно. Он знал, что возможно и сам не без греха и не стремился выносить вердикты по делам других людей. Предпочитал следить за собой.

Тому были серьёзные причины. С самого детства Иоганн считал себя хуже остальных. Считал себя обязанным всем и каждому хотя бы за факт своего существования. Его заставляли так думать. Внушали эту мысль. Не просто так. Для начала он был бастардом. Бастардом могущественного графского рода ван Роттенхерц. Сейчас он носил эту фамилию, как единственный живой наследник этого совсем недавно крупного и могущественного рода. Мало кто слышал о Роттенхерцах? Не удивительно – инквизиция, а по её наущению и имперские власти приложили немало усилий, дабы предать этот род забвению. Отец Иоганна, Гуго ван Роттенхерц, был чернокнижником, еретиком и человеком, представлявшим немалую угрозу для всей Империи. Благодаря своему чёрному искусству и обширным связям рода он хорошо пристроил всех родственников, подготавливая прочную почву в сердце имперской власти. Двух теток, дядю, сводных сестер и множество других родственников Иоганна, Гуго также посвятил в тёмные искусства. Заговор раскрыл инквизитор Карл Магнус. Инквизиция умеет работать быстро, чётко, оперативно. Всех родственников, и каждого, кто имел хоть какую-то связь с Гуго, судили. Многих приговорили к виселице или костру. Весь род был отлучён. Само собой, владения и богатства поделили меж короной и тиарой, но они не окупили и десятой части ущерба, нанесённого родом Роттенхерц стране.

Мать Иоганна – учёная из Имперской Академии, сама не того не подозревая, помогала чернокнижнику доставать важные материалы из безбрежных архивов Академии. Её также сожгли. За ребёнка заступился ректор. Иоганна пощадили, но ещё десять лет он воспитывался в закрытом монастыре. Где все считали своим долгом напомнить ребёнку КТО его отец и ЧЕГО никогда повторять нельзя. Ребёнок крепко усвоил урок.

Усвоил урок и сделал призванием своей жизни охоту на монстров. Единственным желанием Иоганна долгое время было очистить доброе имя рода, вернуть себе фамильный герб и своими делами искупить злодеяния предков. Потому он просто охотился на монстров, не судил и не задумывался о поступках других людей, очищая своё доброе имя. Сначала неосознанно, потом намеренно. Но каждый человек рано или поздно переполняется злом окружающего его мира. Рано или поздно в каждом просыпается безудержный демон, имя которому справедливость.

Письмо было закончено через час. Затем переписано заново. Начисто. Посыпано песком, упаковано в конверт и припечатано личной печатью ван Роттенхерца – два скрещённых меча, глухой шлем и девиз "Верен лишь себе". Имя рода охотник успешно восстановил ещё лет двадцать назад (земли, правда, так и не вернули).

С утра Гиттемшпиц отправился выполнить обязанности почтового курьера. А Иоганн решил на пару дней задержаться в этом милом провинциальном городке.

* * *

Минула неделя. Был солнечный день. Пели птички. Нарядные горожане, из тех, у кого было свободное время, совершали ленивый дневной моцион по каменным тротуарам Штальвесса. Над горами вдалеке висели грозовые тучи. Но всем было понятно, что сегодня здесь дождя не будет. Дети перестали пропадать. И везде, кроме семей, потерявших своих крошек, царило приподнятое настроение, того особенного типа, когда много людей сразу понимают – пронесло.

Ровный грохот копыт был слышен издалека. Затем на дороге, ведущей вниз, под гору, показался столб пыли. За ним послышалась игра на волынке и весёлые звонкие голоса, потом стал виден блеск стали. Кирасиры ехали по три в ряд. Блистали на солнце бронзовые украшения серых стальных кирас, развевались плюмажи на касках. Пистолеты надежно покоились в чехлах на седлах, а палаши в длинных, лакированных ножнах. Над строем гордо реял расширенный золотом с серебряными буквами штандарт Серого Ранненбергского Кирасирского Полка.

В первой шеренге, на тяжёлом рыцарском коне, ехал майор в позолоченных латах, с дракоком на каске, в белом многослойном плаще и с эполетом на правом плече вместо наплечника.

«И когда только успели кирасы надеть, видать облачались незадолго до въезда в город», – усмехаясь про себя, подумал Йоганн ван Роттенхерц, наблюдая продвижение кирасирской колонны с балкона второго этажа гостиницы.

Часть колонны остановилась возле ратуши. Подчиняясь команде майора, десятеро бойцов спешили и направились к ратуше. У входа двое взяли под прицел пистолей полицейских, охранявших ратушу. Остальные бросились внутрь. Колонна продвинулась к полицейскому участку, туда так же бросились десятеро. Оставшиеся бойцы во главе с майором скрылись в направлении церкви.

Далее всё происходило довольно быстро. Весьма грубо – пинками и зуботычинами, на городскую площадь с фонтаном вытолкали бургомистра, полицмейстера и городского священника. Из троих только Мальбор сумел сохранить самообладание.

Горластый волынщик огласил на всю площадь обвинения негодяям, заморившим кукольного мастера и его дочь. К тому времени ещё двое кирасир прикатили к площади тюремную повозку с ржавыми прутьями и несвежей соломой на дне. Туда затолкали троих «арестованных» и отряд, выстроившись конвоем, отбыл из города. Перед отбытием майор с добрым, чуть грубоватым лицом, на котором ярко выделялись большие усы пшеничного цвета, говоря от имени имперской власти, назначил временным полицмейстером города капрала Ульриха Торгмута.

Майора звали Адольф ван Таркенгофф, он был хорошим другом охотника на монстров, к тому же ещё и должником. Йоганн пару лет назад вытащил сестру майора Беллу, девицу вздорную, стервозную и с тараканами, из лап коварного вампира, имевшего на неё какие-то странные планы. Похоже, майор посчитал письмо друга и содержащийся в нём призыв свершить справедливость достаточно важным, чтобы нагряться в Штальвесс со взводом и помочь делу правосудия крепким кирасирским кулаком.

Теперь отряд увозил арестованных и все доказательства, тайком переданные ван Таркенгоффу хальстом, в столицу. Где негодяев должны были судить. И если в мире ещё есть справедливость, должны были примерно наказать за содеянное. А Йоганну предстояло теперь починить карету, и возможно пару месяцев провести в своём тихом, уютном домике у озера, в полной томной рутине праздности. Он договорился через несколько месяцев встретиться где-нибудь с Адольфом, дабы майор поведал охотнику на монстров, чем завершилась история с Штальвесскими негодяями...

Злодеями не рождаются

Пути долга

Шваркарас, земля благословенной Гольвадии, где под властью веселых королей угнездился веселый и славный народ, населяющий остров Шварк и соседствующую с ним островную мелочь, гордо возвышающуюся над бурливой морской стихией крутыми утесами и пологими пляжами, флагами величественных крепостей и ветхими флюгерами прибрежных городишек. Шваркарас, где король думает, что правит, а герцоги мириада враждующих провинций думают, что позволяют ему это делать. Страна, где гильдия магов соперничает в могуществе с сонмом разрозненных церковных орденов, а ковен колдунов мудро взирает на эту детскую возню. Мир, где аристократы славны буйным нравом и быстрой шпагой, трон оберегают величественные гвардейцы в синих плащах с тремя пиками, а каждому, от маркиза до последнего крепостного, щедро отмеряна доля свободы в неравных пропорциях. Земля, славная интригами и подвигами, винами и балами, прекрасными стервами и галантными интриганами. Никогда и ни за

что, по собственной воле, без злого умысла жители могучей и стабильной Алмарской Империи не отправляются в эту, надо сказать, соседнюю державу, без крайних обстоятельств. У Иоганна ван Роттенхерца такие обстоятельства были.

Теплый, влажный и томительный месяц вандратакас щедро нес Шваркарасу благословенные дожди и редкие грозы, год клонился к концу, но до дней, когда в мир придут ливни и холодные ветра, оставалось еще не менее месяца, месяца тепла и неги.

Месяц сна древнего языческого божества Вандора встретил Иоганна ван Роттенхерца в провинции Люзон, известной своими озерами и виноградниками. Под ногами лежала крепкая выложенная резным камнем дорожка, небо сияло синевой, и лишь вдаль, над величественным озером Лами, нежными ангелами реяли небольшие облачка. Ветер нес прохладу, солнце вежливо улыбалось с небес суровому нездешнему джентльмену, которого скорее тянуло назвать «герр».

Высокий, статный мужчина, тяжело постукивая лакированной дубовой тростью с навершием в виде рычащего грифона, мерно шагал по плитам широкой дороги, ведущей к шикарному особняку, вольготно раскинувшемуся по круче над озерными волнами. Облик мужчины, будто искусно выточенный умелым божественным резцом, с некоторой суровой небрежностью, выдавал его благородное происхождение. Высокий лоб, признак ума, четко очерченные скулы, тяжелый упрямый подбородок, брови взлет, тонкие, напряженно сжатые губы, прямой, чуть загнутый узкий нос, – все это складывалось в мрачной гармонии мужественной красоты, дополненной рядами ровных морщин и редкой сединой темно-русых волос, собранных в низкий хвост. А шрамы сеткой памяти прошлых боев и походов выдавали старые – бурное прошлое, свежие – нелегкое настоящее.

Мужчина был высок, по-алмарски широк в плечах и тяжел в кости, к своим сорока годам он продолжал сохранять юношескую подвижность, лишь немного разбавленную приходящей с возрастом солидной тяжеловесностью. Несмотря на теплый месяц, он был облачен в строгий черный сюртук с рядом серебряных пуговиц, плащ с пелериной, вздымающейся на ветру, узкие кавалерийские брюки с несколькими кожаными ремнями, удобные растоптанные ботфорты, перчатки-краги на руках и черный бархатный шейный платок, заколотый иглой с мелким, молочно-сияющим камнем. Образ портила несколько потешная походка – тремя месяцами ранее правую ногу Иоганна ван Роттенхерца в лоскуты изорвали не в меру ретивые адские гончие, защищавшие арестованную им на родной земле ведьму, и потому теперь он, исцеленный дорогостоящими алхимическими декоктами, ждал, пока мышцы, связки и кости окончательно зарастут. Ждал и носил тяжеловесную трость со встроенным пистолем, в дополнение к широкому палашу в ножнах из шкур тех самых гончих.

В Шваркарасский Люзон, на озеро Лами, во владение маркизов де Люмино, Иоганна ван Роттенхерца, знаменитого, подчас печально знаменитого охотника на монстров, привел долг. Грехи предков влекли алмарца в незаконную страну, которую он предпочел бы видеть лишь на старых картах, неудержимо и жестоко. Предки Иоганна всегда были с ним излишне строги.

Впереди выросал особняк. Бесподобное творение наемного архитектора, имени которого никто не помнил, кроме пыльного архива маркизата, и подневольных каменщиков, отработывавших барщину. Он угнездился на утесе, высаящимся над кристально чистым озером Плевро, младшим кузеном раскинувшегося вдаль озера Лами. Четырехугольное здание могло похвастаться лепниной, вычурными статуями на фронтонах, цветочными орнаментами, мозаичными окнами башенок-флигелей и гордо реющими прапорцами на их остроконечных вершинах, сияющих металлической черепицей. С каждым шагом особняк, обросший, как старый морской камень водорослями, пристройками и хозяйственными строениями, выросал, подавляя трехэтажной высотой, толщиной колонн и придиричивым, брезгливым взором высоких окон, обрамленных широкими балконами.

Вокруг замка был разбит парк, с ровными аллеями ухоженных кустов и буйными дебрями внутренних дорожек, где скрывались игривые дриады-беседки. По дороге Иоганну встретился небольшой фонтанчик, украшенный парой мраморных ребятишек, один из которых радостно обнимал игрушечный меч, а второй лил воду из пасти большущей рыбины, которую еле удерживал в пухлых ручонках. Дети радостно улыбнулись случайному прохожему.

Ван Роттенхерц намеренно выбрал пеший путь через живописный сад, по каменной резной дорожке, сквозь легкий бриз с озер и зеленую прохладу парка, заросшего кипарисами. Ему хотелось подумать.

Не каждый день, и это приятно, приходилось отправляться за тридевять островов, в страну чуждую и разгульную, дабы навестить тихое, веселое семейство, и заявить: "Здравствуйте, мой папаша-чернокнижник лет тридцать-тридцать пять назад посылал вам богатый подарок, так вот он проклят, отдайте его".

Трость с бронзовым наконечником мерным набатом бухнула в камень тропинки.

"Вы, скорее всего, тоже прокляты, если не все, то половина – точно, позвольте вас проверить, это не больно. Больно будет неизлечимым". В такие моменты Иоганн особенно резко ненавидел своего отца – заговорщика, демонолога, черного колдуна. Не за десять лет, проведенных в аду монастырского училища, не за презрительные взгляды, не за страх в глазах окружающих и даже не за постыдное звание бастарда. Он ненавидел отца за такие вот моменты, когда состоявшийся, сильный и независимый мужчина, уже давно делами доказавший, что не имеет с предком-негодяем ничего общего, оказывался вынужден... Вынужден расхлебывать дерьмо, заваренное много лет назад мечтами безумного семейства ван Роттенхерц ввергнуть Гольвадию в пучину незаконного правления. Ему приходилось уничтожать монстров, созданных черным гением родителя, раскрывать остатки его сети заговорщиков, ловить выживших после инквизиторской чистки учеников, и, конечно, уничтожать чернокнижные артефакты, которые отец, в качестве знаков внимания и благоволения, раздаривал направо и налево. Что могли такие артефакты? Да что угодно – они могли содержать в себе демона, превращать хозяев в нежить, "полоскать" им мозги, делая рабами давно сожженного и развеянного над рекой трупа. И множество других пакостей.

Род де Люмино был древним и могущественным, он приходился родственным герцогскому роду, владевшему обширной, богатой и людной провинцией Шваркараса Люзон, он был полезен для планов Гуго ван Роттенхерца, проклятого отца Иоганна, и наверняка мертвый старикан когда-то давно, желая заручиться поддержкой жадных де Люмино, отправил сюда нечто весьма эксклюзивное.

Найдя упоминание о подарке, нынешний ван Роттенхерц, бездетный, а потому последний в роду, поспешил в Шваркарас, дабы по мере сил изгладить вред, нанесенный его предком семье маркизов. Глядя на благолепный особняк и аляповатую, крашеную розовым, лепнину на фасаде, он думал о том, что не все еще потеряно. Иоганн, охотник на монстров, всегда привык ожидать худшего.

Внутренний двор особняка, просторный словно плац, встретил алмарца темной прохладой, исходившей от вычурных стен и старой липы, наросшей на решетчатое чугунное ограждение. Липа уютно шелестела листвой, а пожилой дворецкий, вышедший встречать гостя, был вежлив и предупредителен. Дворецкого звали Жак Лон, и этот согбенный, выглядевший отрешенным от мира, старец лет семидесяти произвел на Иоганна двойственное впечатление. Он был воспитан и обходителен, но в то же время неприятно напоминал охотнику настоятеля монастыря, где прошло его безрадостное детство. Потому, когда Жак проводил посетителя в затянутый розовым бархатом, со вкусом двадцати поколений благородных предков обставленный приемный зал, ван Роттенхерц был рад усласть старика прочь, попросив приглядеть за тем, чтобы верный Гиттемшпиц – хальст, служивший алмарцу, получил так же надлежащий прием и все необходимое для организации комнаты своего патрона. Гиттемшпиц, представи-

тель малого народа Алмраской империи – четырехглазых, коренастых и пушистых хальстов, как раз отправился в конюшню. Он прибыл по главной дороге, и теперь ставил в стойло лошадей, на которых они с хозяином ехали в особняк ровно до тех пор, пока тому не взбрела в голову идея прогуляться. Вежливо попросив гостя располагаться, дворецкий отбыл выполнять поручение.

Беседа, с которой началось знакомство ван Роттенхерца с владельческими господами маркизата, оставила приятное впечатление. Истинная голубая кровь, обитатели поместья де Люмино были чрезвычайно любезны. Гостя накормили обедом из шести перемен блюд и напоили вином, которым так славился Люзон, из собственных виноградников.

Маркизы де Люмино были похожи не более чем сабля и штык. Он – правящий маркиз, мужчина чуть за тридцать, с отрешенным мечтательным взглядом на крупном, одутловатом лице, отличался привычкой к поэзии и стремился вырастить бороду, в подражание знаменитому шваркарасскому поэту тех лет графу де Бальзе. Но если у графа борода была густой и кустистой, более подходящей честному алмарцу, чем разгульному шваркарассцу, то у маркиза на его тощем, впалом подбородке и полных щеках росло клочковатое нечто соломенного цвета. Она – статная, чуть полноватая дама, облаченная в платье свободного покроя и в высоком парике, отличалась гармоничными чертами лица и безвкусной модной мушкой в виде головы демона над верхней губой. Маркиз был сдержан и величаво, как ему казалось, спокоен (скорее скован), она явно нервничала и часто вставляла фразы невпопад. Также на обеде присутствовали дети – белокурая маленькая красавица Вероника, девочка одиннадцати лет и долговязый, нескладный четырнадцатилетний юноша Марк Виктор, взявший от матери и отца наихудшие черты внешности, помимо прочего – блуждающий, мечтательный взгляд маркиза.

Хозяина владений звали Виктор Огюст де Люмино, его супругу – Агнесса. Говорил за столом в основном мужчина, изредка его сын, повторявший или поправлявший без стеснения отца, реже нескладные ремарки вставляла маркиза. Разговор в основном шел ни о чем, хозяйкам была хорошо известна причина визита знаменитого охотника на монстров, но переходить к делу они не спешили, воздавая должное светскому трепу и отменным блюдам местной кухни. В приветствии осталась гнетущая недосказанность. И вскоре Иоганн понял, почему.

Вечером, когда маленькую Веронику укладывала спать говорливая служанка, маркиз Виктор и его сын Марк разошлись по кабинетам, желая провести мрачный обряд призыва музыки скверной поэзии, а верный Гиттемшпиц, утомившись от ожидания, дрых без задних ног на гостевой кровати хозяина, выдавая носом рулады, которым мог бы позавидовать большой королевский духовой оркестр, Иоганна ждал мрачный кабинет.

Вдовый маркиз Огюст Жером де Люмино был очень стар, но по-прежнему сохранял бодрость духа, как показалось ван Роттенхерцу, вымученную, ради сохранения славы семьи. С такими бестолковыми сыном и внуком неудивительно, что отдуваться приходилось старику. Поначалу Жером произвел на охотника благоприятное впечатление. Мощный дед встретил гостя стоя, лишь слегка опираясь на тяжелую трость с рукояткой из слоновой кости, плоть от плоти шваркарасской аристократии, он непоколебимо стоял возле символа мудрости – антикварного книжного шкафа, наполненного историей страны и рода Люмино. Вдовый маркиз, отошедший от дел по управлению владениями, был сухощав, жилист, его костистое, узкое, изборожденное кратерами глубоких морщин, лицо сохраняло горделивое выражение с оттенком легкой брезгливости. Осанка, темный камзол с шерстяным халатом поверх, цепкий взгляд мутных глаз – все выдавало в старце бывшего бретера или даже военного. Контраст с прочими обитателями дома поражал и радовал Иоганна.

– Приветствую вас, мэтр ван Роттенхерц, – сиплый, тусклый, надтреснутый голос разрушал иллюзию силы. – Рад, что вы благополучно добрались. Дороги небезопасны, в Шваркарассе и в лучшие времена было много разбойников и иных опасностей.

– Не извольте беспокоиться, герр де Люмино, – опущенные от природы кончики губ алмарца чуть приподнялись, обозначая улыбку. «Ну, началось, старые времена, новые времена... Душегубов будет хватать всегда, а золотой век замшелой сорокалетней давности – сказка для непослушных внуков», – Ничего опаснее меня и моего верного Гиттемшпица с его мушкетеном невозможно встретить на дорогах отсюда и до Гор Амираниса.

– Славно, вот это дух! – упоминание проклятой хаосом легендарной клоаки жизни совершенно не смутило маркиза, ван Роттенхерц начал припоминать – его собеседник и правда когда-то был военным, закончил службу в чине боевого полковника, вступил, конечно, записанный в армию с малолетства, лейтенантом. – Что ж, присаживайтесь, мэтр, нам есть о чем поговорить.

Сухая, жилистая, дрожащая рука дерганым движением указала на глубокое кресло перед жарко натопленным камином. В каменном горне весело горел огонь, охотник на монстров только сейчас обратил внимание, что в комнате адски жарко. «Неужели и я когда-нибудь стану таким и буду летом дрожать от холода при легком сквозняке?» Впрочем, кресла манили бутылкой коньяка, которым славилась другая провинция Шваркараса, алмарец не мог вспомнить, какая именно. И коробкой отменных сигар – плода тяжелых трудов рабов в колониальных владениях державы.

Пригласив гостя присесть, старик, будто потеряв внутренний стержень, сам тяжело шатнулся к креслу, с силой опираясь на трость, и с облегченным вздохом повалился на багровый плюш. Чуть-чуть поерзав, маркиз растекся на своем «троне» аморфной массой, уткнулся острым подбородком в грудь и, зябко потирая, вытянул тощие ноги поближе к огню. Дождавшись, пока гость сядет, бывший полковник заговорил.

– Получив ваше письмо, мэтр, я не знал, что и делать, – сухощавые пальцы жадно схватили сигару, долго и неумело старик прикуривал от свечи, стоявшей там же на столе. – Послать вас, дожидаться пока приедете и посадить под стражу, нанять убийцу, просто вежливо отказать. Мало кому приятно, когда его тыкают в морду старыми скелетами.

«Эх ты, дряхлая развалина...» Иоганн вполглаза наблюдал за тем, как старик курит и удушливо, с хаканьем, кашляет. В основном же его внимание занимал портрет могучего рыцаря – какого-то предка семейства, изображенного в полной амуниции с большой живостью. Ван Роттенхерц давно приучился никогда не смотреть на огонь, он ослепляет. «Надеюсь, до того, как я превращусь в такую же развалину, какой-нибудь мантикор сделает мне одолжение и оторвет мне голову».

– Но вы, похоже, пошли по наиболее разумному пути, герр де Люмино, – вежливо отозвался гость вслух, разливая коньяк по глубоким мельхиоровым штофам.

– А черт его знает, чем могла бы оказаться эта дрянь, стояла себе много лет в буфете, никого не трогала, – маркиз сухо засмеялся. – Если и гадила, то незаметно. А тут, на тебе, оказывается древний, опасный артефакт. Знал ведь, что батюшка мой, пекло ему погорячей, вел темные игры. Но успел отдать Единому душу до того, как кубок этот ваш использовал. Или скорый запрос от вашей инквизиции, прям следом за подарочком, его напугал.

– Этот подарочек, – серьезно, игнорируя смех собеседника, повел беседу алмарец, глядя на кашель и сдавленный смех старца, сигар ему расхотелось, – называется «Кубок кровавой луны» и слава Единому, что ваш предок его не опробовал, неизвестно к каким результатам привел бы эксперимент. Это одно из самых гнусных изобретений моего дорогого родителя, и, надеюсь, в пекле ему холодно и одиноко. Если его не трогали и не использовали, почему все ваши домочадцы в такой тревоге, почему мне ничего о нем не сказали за обедом? Я ощущаю зловещую недосказанность в нашей беседе.

– Охотник! Сыщик! Гончая! – восхитился старый маркиз. – И верно, друг мой, мы без особой охоты ждали вашего визита, хотели вернуть безделушку и выгнать восвояси.

– Но не выгоняете, – обращение "друг" от этой развалины покорило Иоганна, своих друзей он знал, любил и мог пересчитать по пальцам одной руки. – Значит, что-то изменилось.

– Дааа, – прохрипел Огюст Жером, закашлялся очередным стустком дыма, выплюнул на дорогой хмааларский ковер комок мокроты с кровью и продолжил. – Изменилось. Изменилось, – сухой кулак нервно бухнул в подлокотник кресла, – мать его!

Вежливо пережидая приступ праведной ярости, Иоганн молчал. Молчал и рассматривал собеседника: старый, сухой, больной и сломанный, старик хранил в душе память прошлых побед и тлеющий уголек былой отваги в сердце. «Неужели и я стану таким? Грустный каламбур».

– Как вам наша семья? – внезапно сменив тон, бывший полковник уставился в глаза собеседника, столкнувшись с ровным и холодным взглядом алмарца.

– Я нашел всех весьма милыми, – пожал плечами охотник на монстров.

– МИЛЫМИ! Милыми, разорви меня Крахот! – возопил старик, призывая к извращенным играм владыку преисподней. – Я вижу, мэтр, вы уже успели взглянуть на портрет. Знаете, кто это? Это Луи де Люмино, мой.. Слышите! Мой славный предок, а также, по какому-то недоразумению, предок моего сына и его непутевого отпрыска. Прижитого не иначе как с портовой блядью! Знаете, кем был Луи? И десятки его потомков? Он был кругоносцем! Он отвоёвывал с верным клинком в руке и верой в сердце Царство Единого! Там, на горячих берегах черного Хмаалара, он побеждал неверных. Его потомки?! Мы воевали в колониях, воевали тут, в метрополии. На Поясе Свободы. На Дракии. Везде! На суше и на море. Длинная вереница великих воинов, ближайших сподвижников и братьев герцога Люзона! А теперь потомков этих великих людей находят милыми. Может, ваш артефакт постарался? Не думаю.

– Артефакт не мой, – бесстрастно ответил алмарец. – Не понимаю, к чему вы клоните.

Маркиз откинулся на кресле, все глубже погружаясь в его мягкие объятия, он тяжело дышал, на голове в старческих пятнах выступил крупный пот. Затем он затянулся сигарой, собрался с мыслями и вновь повернул голову к собеседнику.

– Знаете, зачем живут старики? – снова сменил тему де Люмино.

– Это философский вопрос, а я презираю философию, – довольно споро откликнулся охотник. «Воистину, лучше смерть, чем дряхлая бездеятельная старость, лелеющая прошлые победы».

– Они живут, мой друг, – маркизу, похоже, доставляло удовольствие следить за кривящимся лицом собеседника, – либо назло, либо для кого-то. Назло я жил, пока был полковником. Назло врагам, смерти, бесчестью. Теперь это в прошлом. Теперь я живу ради. Ради этого дома, его хрупкой надежды возродить былую славу, ради моих бестолковых детей и бесполезных внуков.

– Мне кажется, – ван Роттенхерц пригубил коньяк, – мы очень удалились от темы.

– Думаете, я глупый, бесполезный старик? – смех Огюста походил на клекот старого грифа. – Нет. Сейчас мы подошли к сути. Вы видели не всех членов моего кастрированного семейства. Есть еще один. Тот, ради которого я живу. Тот, который семь дней назад выпил воды из кладбищенского колодца, наверное, на спор. Воду он пил из вашего проклятушего кубка. Его зовут Луи. Он моя последняя надежда.

Раздался скрип и скрежет, тяжелое кресло, которое слуги приносили в этот зал вчетвером, проскользило полметра по полу, прорвав ковер и скребя по наборному паркету. Ногу Иоганна скрутило резкой болью, но он не обратил внимания.

– Ведите! – охотник был готов вырвать собеседника из кресла и волоочь за шкуру силой, столько времени ушло впустую.

Коридоры, залы, коридоры, лестницы, позади следует старый маркиз. Он что-то лепечет, мешая охотнику думать, зудит на грани слуха, как мерзкий трупный москит, мешая готовиться к встрече со злом. К встрече с прошлым.

– Он славный малый, – Огюст идет невероятно медленно, его рука дрожит, как парус на плохом ветру, – он наша надежда. С самого детства я понял – наша кость. Обожает собак, охоту, отменно лазает по деревьям, стреляет, много читает. Золото! Густая кровь.

«Злодеями не рождаются, отец, ими становятся, – Иоганн злится, ступени мелькают слишком медленно, нога невообразимо болит, он все сильнее, подражая старику впереди, опирается на трость, но грифон держит надежно. – Ты решил забрать то, что тебе не принадлежит. Детскую душу, невинную, без той гнили, что развратила тебя, заговорщик, сын демонолога».

– Пусть он выживет! Он возродит наш род. Даже когда на свет лез, мать чуть наизнанку не вывернул, она так орала, кокетка чопорная. Ему всего двенадцать, а силы как в шестнадцатилетнем, и стать, и лицом весь в предка. Мы потому его и назвали Луи. В честь предка! А фехтует как!

«Ты его не получишь».

Карл Луи де Люмино лежал на кровати в своей просторной детской. Как успел пояснить маркиз, шесть дней назад ребенок выпил из кубка воды и впал в кому. Или подобие транса. Беззащитный мальчонка лет двенадцати, облаченный в измятую пижаму, лежал посреди вороха простыней, подушек и одеял. Он метался, то бредил, то замирал. Когда замирал, становилось особенно жутко. На благородном, уже мужественном, несмотря на юный возраст, лице появлялось выражение, говорившее о скорби и борьбе. Будто из последних сил, разметавшийся на пухлой перине, в комнате, заполненной игрушечным и настоящим оружием, доспехами и книгами, юный воин старался победить зло в себе. Он, напряженный и сосредоточенный, собрав остатки беспамятной воли в кулак, стоял против тьмы, не давая мертвой руке давно сожженного чернокнижника дотянуться до себя из болота прошлого.

Иоганн взглянул на ребенка и понял: проклятая чаша его отца до сих пор не сожрала душу маленького героя только потому, что он отчаянно сопротивляется где-то в глубине своего расколотого сознания. И охотник понял, что он приведет эту борьбу к счастливому финалу. Жизнь будущего маркиза Карла Луи де Люмино стоила смерти бастарда ван Роттенхерца.

Теперь у охотника была цель. Он собирался побороться с проклятой жижей в теле мальчика.

Вода из кладбищенского колодца, из кубка кровавой луны. Эта мерзость плескалась в желудке ребенка, текла по венам. Приказав очистить помещение и принести его саквояж, доставленный лично дотошным Гиттемшпицем, ван Роттенхерц приступил к лечению.

Перво-наперво он попробовал применить рвотное, но без особой надежды. В попытке вывести проклятую эссенцию из тела Луи охотник, а теперь доктор поневоле, не преуспел. Два дня мальчика рвало от особого настоя трав, он метался во сне, извергал из себя остатки прошлых ужинов и бульоны, которыми его поили после падения в кому, стонал и выл. Но все было без пользы. На третий день ребенок снова напряженно застыл, вновь вступив в противоборство с тьмой внутри.

От скверны часто помогали посты и молитвы, личные обращения проклятого к Единому или иному богу. Следующей попыткой ван Роттенхерца была электрошоковая магия. Детское тельце, от четырех, укрепленных на руках и ногах магических свитков трясло как больного падучей, он выл как раненный зверь, доводя до слез и истерики мать, сестру и служанок. Но в себя так и не пришел.

«Почему, отец? Почему тебе потребовалось безвинное дитя? Ты видишь, он борется с тобой, не дает чернокнижным путам сломить свою волю. Почему ты не взял любого другого из местных, слугу, молодого маркиза, учителя фехтования. Чем этот мальчик заслужил муки? Будь ты трижды проклят в своем аду. Ты и твои черные поделки совращающие самых лучших. Наверняка это доставило тебе радость».

Все время, пока шли «пытки», Иоганн неотлучно находился рядом с пациентом, спал, только когда тот затихал, вернее, скорей впадал в дрему тут же на стуле. Он держал своего подопечного за руку и шептал, почти в бреду:

– Ты сильный, Луи. Ты очень сильный мальчик. Борись! Борись с ним. Мы не проиграем. Вспомни своего великого предка, тот Луи не сдавался, и мы не сдадимся. Держись, пацан!

Гиттемшпиц сам кормил своего мэтра, запихивая в него еду силой – когда дело доходило до работы, каждый из этих напарников знал свое дело великолепно.

На шестой день, когда месяц вандратакас уже начал клониться к концу, когда не помогли ни рвотное, ни электрошок, ни очищающие заклятья, от которых ребенок сходил в дугу, выворачивая суставы, Иоганна осенило.

«Кубок кровавой луны. Кровь. Неужели, отец, ты научился делать вампиров?»

Вечером Гиттемшпиц очень аккуратно принес теплый котел, в котором плескался анти-вампирический декокт, средство, способное предотвратить становление даже очень сильной кровососущей твари. Ван Роттенхерц сам вливал серо-зеленую бурду в горло многострадального Луи через воронку.

– Держись, мой маленький друг. Мы обязательно спасем тебя! Борись с ним!

Первый день прошел в напряженном ожидании. Ребенок лежал без движения, охотник то и дело забывался беспокойным сном. Лицо Луи, будто сошедшее с иконных полотен, стало расслабленным и безмятежным, он легко дышал. Иоганн уже поверил в победу. На второй день маленький де Люмино страшно захрипел, изо рта пошла бурая пена, он вывернулся с кровати и на мгновение даже пришел в себя, извергая потоки рвоты – остатки декокта и черную кровь своего нутра. Затем он снова впал в беспамятство. Днем позже ребенка прошиб кровавый пот, не прекращавшийся два дня.

«Нет, отец, так легко мы не сдадимся. Тебе не победить, обугленный, зловонный дух».

На следующий день Иоганн ван Роттенхерц покинул особняк маркизов. Он отправился за более сильным средством от недуга. Верный Гиттемшпиц остался, надев на ребенка браслеты из холодного серебра. Хальст следил за состоянием пациента, искренне желая удачи своему патрону и, как умел, подбадривал смелого больного мальчика. Холодное серебро – могущественный и редкий материал, уничтожающий любую скверну, должно было позволить мальчишке продержаться до возвращения охотника.

Восход над фортом Последней надежды

Восход медленно заливал мир мутной, багровой краской, разъяренное око солнца чужой земли всходило далеко на жестоком востоке, утопая в блеклых тонах пылевой бури.

Форт Последней надежды медленно пробуждался. Или скорее восставал ото сна. Несколько десятков сильных, но до крайности изможденных людей поднимались с войлочных одеял, почти тут же, на месте, облачались в доспехи, наскоро, не обращая внимания на вкус, завтракали гнилой солониной и сухарями, полными песка и кремневой твердости.

Рассвет застал брата Луи на крепостной стене. Уже третий день командир отряда арьергарда разбитого воинства кругоносцев не знал сна. Он обходил усталых дозорных, в самые темные часы пустынной ночи вынужденных почти висеть на своих копьях, чтобы не свалиться с недосыпа, или просто стоял, как сейчас, на крепостной стене. Спать было бы преступно.

Чуть реже он обходил жалкие руины крепости какого-то пустынного бандита, давно покинутой ее старыми обитателями и вглядывался в лица спящих, где упали, бойцов, считал шрамы, слушал дыхание. Каждый день кто-то умирал. Они назвали эту груду камней Формом Последней надежды. Сколько войн, сколько отступающих армий и брошенных отрядов давали своим убежищам схожие имена? Никто не знал.

Армия отступала, войска безбожного Султана разбили их по всем фронтам, Царство веры было потеряно. Блистательные герцоги, главы орденов, рыцари-ветераны в сияющих доспехах, все это катилось к берегам и портам. Как крысы или обезумевшие лемминги, бра-

тя-кругоносцы бежали к кораблям, дабы отдаться на волю волн и утлых своих судов, лишь бы избежать гнева Кагана Гетербагов. Лишь бы забыть охваченный огнем город и головы сильнейших и самых смелых, насаженные на кривые пики.

Отряд брата Луи, барона Луи де Люмино, был в арьергарде, одним из мелкого ручейка смелых безумцев, прикрывающего бегство великой армии Веры. Они стояли последней плотиной против кавалерии эмира Рашида «Великолепного», уже третью неделю преследующего разбитый корпус герцога Бернгарда Жозефа де Люзона. Еще четыре дня назад сотня, теперь шесть десятков изнуренных жарой и жаждой бойцов должны были остановить, задержать продвижение пятидесятитысячной орды, преследующей семь тысяч беглецов под гордым баннером золотого круга Единого. Они были последней надеждой.

Рассвет накрывал мир рассеянным багрянцем, брат Луи вглядывался в горизонт, его мужественное, будто отлитое из бронзы узкое лицо давно утратило тени эмоций, оставалась лишь упрямая напряженность. Там, за пеленой песка и пыли, гонимых волей пустынных ветров, скрывался враг. Из пыльных облаков проступали очертания мертвых, утраченных городов, ухмылки демонов и глаза местных, хитрых шайтанов, дальше, за пеленой песчаной лжи, шла смерть. Смерть звали Рашид, и тысяча всадников его авангарда, под флагом черного полумесяца и с девизом на хмааларской вязи: «Я бич неверных».

Кавалерия шла вперед, сипахи, облаченные в доспехи не хуже рыцарских, и будто гончие, мчащие перед ними конные лучники. Сам Рашид «Великолепный», эмир Сгоревшего Города, неумолимый мститель, поклявшийся перебить всех неверных, разорвавших его земли, священные земли Хмаалара, любимец султана, охотничий сокол Кагана, возглавлял своих отборных людей. Столкновение было неизбежно, как приход ночи.

Луи вглядывался в горизонт, просто потому, что пока смотришь вперед, можно не думать о худшем. Можно считать чужие клинки, обдумывать тактику, оценивать возможности поля боя, предполагать вылазки и не думать о том, что с тобой меньше сотни обреченных воинов, которых держит здесь уже не вера, а скорее безнадежность. Кто-то должен умирать.

На сторожевой башне, единственной целой, реял пожелтевший флаг, с еле отличимым золотым кругом. Ветер рвал его подобно пустынному шакалу.

Луи возвышался над стеной подобно стальному колоссу. Его лицо, узкое и аристократичное, являло образец мужественного благородства кругоносца, а глубоко запавшие от недосыпа глаза и резко осунувшиеся черты придавали сурового аскетизма. Бывший барон был высок и статен, ни дыхание пустыни, ни груз лишений не смогли склонить его головы или заставить опустить широкие плечи. Его тяжелый плащ из нескольких слоев прочной ткани слабо трепетал на ветру, а котта, закаятая когда-то в мирных землях умелым магом, сохраняла слепящую белизну и золото святого круга. Готический доспех, покрытый светло-серой эмалью, ровно сиял сполохами багрового пламени там, где рассеянные солнечные лучи соприкасались с мелкими значками колдовской вязи. Доспех создавали для барона де Люмино в те времена, когда он еще не принял обета бедности и братства, превратившись в брата Луи. Массивные наплечники были украшены так, чтобы напоминать о старом и хранить главное. Правый, в честь родового зверя, был выполнен в виде скалящейся волчьей головы с окровавленными эмалью клыками. Левый нес массивный круг с рельефной виноградной гроздью Люзона – признак небесного Хозяина и земного сюзерена, за которым барон пришел на земли Веры. Нагрудник – произведение искусства из рук умелого мастера-артефактора, был способен выдержать удар клевца и даже камень из катапульты, он был украшен головой воющей гарпии, но ее скрывала благородная котта. А поверх туники был наколот пергамент с благочестивыми молитвами от скверны. Хмааларцы были известными чернокнижниками, их воинству сопутствовали демоны, ифриты, ночные гули и нечестивые колдуны. Но священные знаки, созданные могучими клириками похода и питаемые верой кругоносцев, оберегали воинов от скверны. Более мелкие пергаменты, укрепленные в специальные зажимы на наплечниках и латной юбке, тре-

петали на ветру, иссеченные злым песком, но не потерявшие силы. Если враг придет, никакие силы тьмы не помогут, драка будет идти честно, как и предписано божественными законами. Руки же воителя, командира проклятой сотни, опирались на массивный клинок, двуручный меч в три ладони шириной, по которому бежали синие искры, а огненные руны по обеим сторонам борозды кровостока сияли пламенем ночного костра. Этот клинок, «Страж пламени», был подарен брату Луи за доблесть самим магистром Ордена Красной Перчатки Бриамом де Фолькенрейстом.

Вскоре уединение рассветного стража стены было нарушено, сбоку, почтительно поклонившись, тем самым выражая уважение, но не раболепство – в Армии Веры все благородные братья были равны, подошел оруженосец. Верный Патрик, белобрысый, нескладный юноша лет шестнадцати. Если он каким-то чудом переживет это сражение, Луи вручит ему шпоры. За два года битв на Святой земле парень научился владеть оружием не хуже любого взрослого рыцаря далекой метрополии. А о благочестии оруженосца говорил хотя бы тот факт, что он отправился за патроном на эти ветхие стены, хотя имел право отказаться.

– Брат мой, – почтительно обратился Патрик, нервно теребя застежку плаща, выполненную в виде лика святого воителя Бернара. – Вы не сомкнули глаз, разумно ли это?

– Оставь, – рыцарь бережно принял из рук оруженосца ковш с теплой, полной песка водой, и припал губами, жадно, будто это было лучшее вино его родины. – Я вдоволь отосплюсь в новом рождении, если умру сегодня. Или в лазарете. Или в повозке для военнопленных у Рашида, если он столь жаден, как говорят.

– Не путай мальчонку. Еще подумает, что у него есть шанс не сдохнуть, – голос говорившего был густой и гулкий.

На стену взошел брат Эктор. Убеленный сединами широколицый алмарский ветеран. Его доспех был простым без эмали и заклятий, покрытым вмятинами и царапинами, плащ и сюрко – серыми от старости и гнева погоды, а борода и русые волосы – обильно посыпаны солью годов и тревог. Эктор был массивен как гетербаг, тяжел в кости и неповоротлив, вдвое превосходя Луи ростом, гигант бился огромным молотом, выкованным из холодного серебра. Барону де Люмино за свой доспех пришлось продать земли и замок. Эктору, ради этого молота из кладовых Ордена Бога-Воителя, пришлось принести вечный обет служения. Великан командовал тяжелой пехотой, всегда подтрунивал над франтом-командиром и был надежен как утес.

– Сегодня надерем кому-то жопы! – Эктор ухмыльнулся в бороду и хлопнул командира по спине, раздался стальной гул. – А надо будет – и кости сложим. Не бзди, пацан, – он обернулся к Патрику, – в бою умирать не страшно. Опять же, к Единому отсюда близко.

– Побольше благочестия, брат, – голос следующего говорившего был негромким и сдержанным, но где-то в глубине звучал металл.

На стену поднялся и встал справа, чуть позади Луи, невысокий воин в красном. Как и у командира отряда, его одеяние отталкивало пыль и грязь. Широкий плащ цвета старой крови скрывал добротный, хоть и слишком легкий для рыцаря, доспех из эмалированных краской битвы стальных пластин, на сгибе локтя воин держал глухой шлем, украшенный драконом. Лицо, круглое и немного детское, пересекал глубокий шрам, удар сабли когда-то рассек хрящ носа и оставил борозду в скуле. На поясе говорившего висели ятаганы, которыми он мог орудовать с невероятной скоростью. На спине красный плащ его украшал белый круг, с красной же перчаткой в центре. Брат Микаэль принадлежал к Ордену Красной Перчатки, магистр которого по мере сил дал воинов каждому отступающему корпусу кругоносцев. Микаэль был честен, набожен и скуп на слова, он командовал легкой кавалерией и пехотой.

– Пред ликом Единого и перед врагом низко выказывать грубость, – он без стеснения взглянул на пыльное Солнце. – День битвы пришел.

Эктор ничего не сказал, лишь ухмыльнулся и сплюнул в пыль, Патрик сотворил знамение круга и зашептал молитву.

– Ну нахрена, в сотый раз спрашиваю, нахрена мы здесь? – Голос был надтреснутый, но при этом слишком мелодичный, неприлично мелодичный для мужчины.

На стену, ругнувшись в сторону проползшей по ступеням ящерицы, поднялся франт в красиво расшитом дублете с буфами, изумрудном берете с куцым пером, в узких рейтузах и растоптанных остроносых башмаках, на поясе у него висела рапира, на перевязи через плечо – десяток пистолей. А в особой кобуре – четырехзарядный гартарудский паровой монстр. В зеленых глазах Бернарда де Консорме, наемника, картежника и плута, крылась насмешка. Он командовал аркебузирами и парой кое-как привезенных в форт бомбард, с одним расчетом на обе. За золотистые локоны до середины спины и по-женски гладкое лицо, которое не испортили ни солнце, ни ветер пустыни, Бернарда прозывали «Красавчиком», а Эктор ласково величал «попудайцем». Де Консорме не принимал обетов, работал за звонкую монету и в форт пошел за лучшим другом – бывшим бароном де Люмино.

– Могли бы сейчас в обозе шлях щупать, в карты играть, казенное вино разворовывать, – Бернард бесцеремонно отгеснил брата Микаэля, и приобнял командира отряда за шею. – Может, бросим все нах и сбежим?

– Кто-то должен умирать. Кто-то жить. Мы здесь за этим, а ты, дорогой Берни, – с затаенным смехом в голосе ответил Луи, – затем, что в противном случае я отрублю тебе ноги, стрелку они в бою ни к чему.

– Тогда сам потом потащишь меня безногого до лагеря этих чертовых беженцев в доспехах, – фыркнул де Консорме, убирая руку, – после того как мои девочки картечью принесут вам победу.

– Если твои девочки принесут нам победу, – весело откликнулся великан Эктор, – я сам буду тащить тебя всю дорогу до лагеря вместе с ногами и конем.

– Заметано! – подмигнул здоровяку наемник.

– Начинается, – бесстрастно произнес брат Микаэль, указуя перстом на север, где из пыльного, хищного марева темной полосой показалась нестройная орда легкой конницы эмира.

Оруженосец Патрик побледнел и выпрямился. Эктор лишь снова сплюнул под ноги. Бернард сокрушенно покачал головой.

– Воины! – взревел неожиданно громким, мощным баритоном брат Луи. – Время заставить этих неверных ублюдков сдохнуть за их безрадостного божка!

Чистая кровь

Старое кладбище семейства Люмино располагалось чуть поодаль от особняка. Это серое, мрачное и величественное место, полное старых теней и молчаливых памятников, навевало торжественное спокойствие.

Месяц войны, гетербагор, только-только вступал в права, сухой и жаркий, как последнее дыхание лета, он наследовал вандратакасу. Отдавая дань месяцу сна праотца, по небу плыли редкие, сизые, будто пороховой дым, тучи, готовые прорваться легким дождем. Но солнце продолжало жарить так, будто собиралось приготовить мир на адской сковородке: так всегда происходило в начале этого месяца, но уже к концу его земли озерного Люзона будут полностью отданы во власть дождей и непогод.

На кладбище было прохладно, вопреки всем посягательствам солнца густой осинник, ивы над небольшим прудом в восточной части, несколько крупных, раскидистых дубов, вкупе с кованой оградой, обрамлявшие место упокоения многочисленных поколений маркизского рода, давали прохладу. Каменный монолит небольшой часовни с высоким шпилем – тень.

Пройдя по дороге из выщербленных, потрескавшихся и кое-где пробитых сорнячьей волей к жизни каменных плит, Иоганн ван Роттенхерц остановился возле старого колодца. Занятое сооружение напоминало маленькую копию часовни, островерхая каменная крыша, украшенная резьбой, мощные, строгие колонны, ее поддерживающие, добротное основание из шербатого камня. Колодец на кладбище выглядел странно. «Водопой мертвецов». Иоганн

прикоснулся рукой в кожаной перчатке к толстой черной цепи, прикованной к массивному ведру. «Впрочем, место выглядит ухоженным, непохоже, чтобы зомби вставали тут по ночам и строились в очередь на утоление жажды».

Перед колодецем располагалась небольшая площадь. Само сооружение занимало ее северную часть, а в центре одиноко чернела массивной мраморной плитой старая могила. Над могилой высилась горделивая статуя.

Охотник на монстров повернулся и взглянул в лицо каменного исполина. Это был рыцарь, кругоносец в тяжелом доспехе, он опирался на могучий двуручник, открытое, узкое каменное лицо было напряженным и хмурым, за исключением легкой улыбки на красиво очерченных каменных губах.

– Это и есть Луи де Люмино, – прозвучал мелодичный, усталый голос со стороны входной дорожки парка.

Иоганн медленно повернулся и перекинул снятый по случаю жары плащ на левую руку, поверх трости. Коротко поклонившись, он двинулся в сторону неожиданной гостьи.

– Приветствую вас, сударыня, – алмарец галантно поцеловал протянутую пухлую ручку и улыбнулся. – Я все гадал, когда же вы со мной заговорите.

«После той гарпии застать меня врасплох на кладбище весьма нелегко».

– Здравствуйтесь, мэтр, – Агнесса де Люмино была одна, дама смущалась и неловко придерживала подол пышного платья, чтобы он не мел по могильной земле. – Рада, что вы вернулись, вас долго не было.

– Вернулся, и не без надежды, – жестом фокусника Иоганн достал из кармана жилета небольшой флакон, жидкость в котором сверкала чистым серебром. – Это средство, без сомнения, поставит вашего мальчика на ноги.

Сомнения у охотника были и немалые, но у Агнессы, которая старалась выглядеть спокойной и загадочной, дрожали губы, а в уголках глаз наворачивались слезы.

– Как славно! – почти взвизгнула маркиза. – Не терпится увидеть, когда вы снова приступите к работе, – она посмотрела на сурового алмарца глазами робкой серны. – Возможно, в этот раз вы позволите мне присутствовать на сеансе лечения? Верю – мое присутствие ободрит и укрепит силы Луи. Ведь это тоже очень важно.

– Я об этом подумаю, – неожиданный напор силы и нежности к сыну, исходивший от Агнессы, смутил ван Роттенхерца, свою мать он помнил очень смутно, и с каждым годом воспоминания о тепле и ласке первых лет жизни все тускнели. – Так, говорите, это Луи де Люмино?

Он указал на статую.

– Не слишком похож на портрет в кабинете вашего свекра, – Иоганн еще раз придирчиво, пытаясь сгладить внутреннюю неловкость, осмотрел статую. Взгляд каменного воина был благочестиво устремлен вдаль.

– Говорят, что это изображение более правильное, – при упоминании отца своего супруга маркиза болезненно вздрогнула. – Его высекали с живого образца.

– А откуда на кладбище взялся колодец? – ван Роттенхерц уводил беседу все дальше от неудобной темы присутствия на эксперименте матери ребенка, которого, может быть, придется упокаивать.

– Это место не всегда было кладбищем, – Агнесса легко отвлеклась. – Когда-то здесь стоял особняк, в ту пору еще барона де Люмино. Он ушел в Круговой поход, отвоевывать земли инородцев для Царства веры, а уходя, продал все имущество. Но вернулся маркизом, выкупил эти земли и получил от престола все соседние, а свой старый дом в завещании приказал переделать в храм, вокруг же разбить родовое кладбище и похоронить его там первым. Колодец сохранился еще с тех времен, сторож суеверен, воду не пьет, но использует, чтобы поливать дорожки и мыть могилы. Вот так.

Они двинулись прочь от колодца с мертвой водой и площади с молчаливым владыкой этих земель. Медленно следуя по дорожкам кладбища, Иоганн, дабы не молчать, вежливо поддерживал беседу с маркизой. Агнесса не блистала большим умом, но болтала охотно. Оказалось, супруга маркиза происходит из бедного, но знатного рода, но брак состоялся по любви, ее покорили стихи Виктора. Теперь она скорее уважала мужа, чем любила, а свекра очень боялась, но брак был крепким. Женщина души не чаяла в детях и готова была на все ради их благополучия. Несколько раз она даже пыталась пуститься в смутные обещания всего и вся. Но Иоганн вежливо пресекал попытки, он еще не взял с семейства де Люмино ни одной монеты. Ван Роттенхерц вел лечение за свой счет, оплачивая грехи отца. Уже удаляясь с кладбища, алмарец поинтересовался:

– Так как все же ваш сын оказался на кладбище, с кубком, почему он стал пить воду? – вопрос был задан между прочим, для поддержания беседы, но Агнесса заметно напряглась и побледнела.

– Мы считаем, что Карл совершил эту глупую, глупую шалость на спор, – женщина промокнула навернувшиеся на глаза слезы батистовым платочком.

– Такие вещи были ему свойственны? – вопрос был скорее утверждением, в это Иоганн мог поверить, мальчишки любят и умеют делать глупости, которые иногда приходится распутывать даже охотникам на монстров. – Вдовый маркиз говорил, что он был очень бойким мальчиком, активным и шаловливым, много времени проводил на природе, так?

– Ах, – всплеснула руками мать Луи, – что вам наговорил этот, простите, старый деспот?! Наверняка представил моего мальчика каким-то чудовищем, хулиганом и сорвиголовой. И, конечно, похвастался тем, как больно мне было его рожать. – Голос маркизы, только что дрожавший от гнева или обиды, потеплел. – На самом деле Луи очень милый мальчик, добрый и любопытный. Как-то раз он увидел на кухне беременную кошку, обычную беспородную тварюшку. Но мальчика так заняло это существо, способное дать кому-то другому жизнь, что до самых родов он был с ней неразлучен, он кормил зверушку, купал, чесал, заботился о ней. А во время родов всеми силами старался облегчить участь животного. И поражался результату. Он очень любопытен, мой Луи, боюсь, это любопытство ему и повредило.

– Что ж, – история кошки не поразила, но удивила Иоганна, он привык к тому, что дети благородных фамилий, как правило, наглы, избалованы и к животным минимум безразличны, а скорее жестоки. – Уверяю вас, сударыня, я приложу все усилия, чтобы ошибка вашего сына, будь это отвага, сумасбродство или любопытство, не стала для него ничем большим, чем ценным жизненным уроком.

Увидев горячую благодарность в глазах женщины, взвешивая на охотника не иначе как на святого, ван Роттенхерц понял, что уже никак не сможет оставить эту семью в беде, сколько бы времени ни ушло на лечение. Впереди показался особняк де Люмино, в окошке детской спальни младшего сына семейства наблюдалась привычно хмурая морда Гиттемшпица, хальст беззаботно мочился вниз со второго этажа.

– Как он? – Иоганн, постукивая тростью, вошел в комнату больного. После подъема по нескольким бесконечным лестницам нога вновь разболелась, но охотник давно привык не обращать внимания на такие вещи как боль или недостаток здоровых конечностей.

Карл Луи де Люмино лежал на кровати, свернувшись калачиком, поза и напряженное выражение лица двенадцатилетнего мученика напоминали скорее тревожный сон, чем кому. Ван Роттенхерц счел это хорошим знаком. В ногах ребенка, на теплом одеяле лежал молодой кот, он был черный, с белым пятном на ухе и удивительными желтыми глазами. При появлении неожиданного посетителя животное приподнялось и утробно зарычало.

– Цыц мне тут! – взревел на кота хальст. – Нормально он, браслеты вроде помогли. Я б даже сказал, что после твоего ухода мелкому гаду полегчало.

– Следи за языком, – пожурил Иоганн напарника. – Этот ребенок – жертва чужих грехов.

– Все мы жертвы, весь этот больной долбаный мир, – пожал плечами хальст, затем мгновенным броском пушистый слуга схватил кота и под протестующий мяв выкинул животное из комнаты, плотно закрыв дверь.

– Это еще зачем? – изогнул бровь охотник на монстров.

– Невероятно злобная скотина, – откликнулся слуга. – Я с ним неделю воевал. Он не подпустил бы тебя к парню.

– Наверное, один из приплода той кошки, о которой заботился малыш, – предположил алмарец.

– А по мне так форменное порождение пекла, – хальст в подтверждение своих слов продемонстрировал заросшие плотной шерстью мускулистые предплечья, покрытые глубокими царапинами.

Ван Роттенхерц безразлично кивнул, хальсту доводилось переживать и более тяжелые раны, в прошлом году четырехглазого чуть не разорвал голодный трупоед, разьевшийся на старом, некруженом кладбище. Пушистик пережил это почти стоически. Только периодически три месяца подряд подсыпал напарнику, не успевшему вовремя, красный перец в ботинки.

– Тебя долго не было, полмесяца один на один с этим котом – весьма немало. Достал что хотел? – хальст умел переходить на деловой тон почти беспардонно.

– Качество требует времени и денег, – переходя к сухому и быстрому рабочему тону, ответил охотник. – Есть у меня одна штука.

Ван Роттенхерц неспешно извлек из кармана жилета и выставил на стол все тот же флакон с серебристой жидкостью, в солнечных лучах состав начал радостно светиться.

– Чистая кровь, – одобрительно кивнул Гиттемшпиц. – Годная штука.

Чистая кровь была алхимическим зельем, одним из тех удивительных составов, которые готовят из лунного света, слез дриад и рогов единорогов. Такие вещи стоили целые состояния и действовали безотказно. Гиттемшпиц, однако, сомневался, что его патрон купил эту штуку, денег у Иоганна всегда было мало, а вот должников и благодарных знакомых много. Чистая кровь обладала могущественными свойствами, легко и безболезненно это зелье изгоняло из жил пациента некротические миазмы, следы хаотического разложения, яды и мистические болезни. Более того, эту бурду использовали даже для экзорцизмов. Ею лечили молодых вампиров, оборотней, прокаженных и бездарных поэтов. Каждые десять лет этот состав приносил исцеление одному-двум страждущим, настолько он и компоненты, входящие в его состав, были редки.

Иоганн действовал быстро и деловито: откинув с мальчишки одеяло, он приказал слуге снять с пациента браслеты из холодного серебра. Когда драгоценные зажимы были удалены, ребенок снова тяжело задышал и заметался в бреду, что-то невнятно бормоча. С большим трудом хальст по указанию патрона разжал зубы больного и воткнул в рот воронку. Осторожно, заученным движением Иоганн влил в горло пациента сверкающую панацею, придержал голову, чтобы ребенок смог все проглотить и, бережно опустив белокурое чело маленького Луи на подушку, отошел назад. Присел. Хальст в последний момент успел подставить под задницу обожаемого напарника табурет, редко он видел Иоганна таким взволнованным и еще реже – рассеянным.

– Пойду принесу чего-нить перекусить, – Гиттемшпиц двинулся к двери.

– Благодарю, – отвлеченно ответил охотник. – Я не голоден.

– А о тебе никто и не говорил, – хальст, удрученный таким состоянием напарника, покачал головой и вышел, направляясь на кухню.

Кухни бывают самые разные. Есть жалкие узкие каморки в домах бедняков, чаще всего отгороженные от общего зала только небольшими перегородками. Есть постоянно тесные от поваров, развешанной кругом провизии и собак с сиротскими глазами кухни трактиров. Есть большие просторные хоромы, где в адском чаде кипят котлы, снуют повара, пышат жаром

чугунные печи на пятьдесят полок, стучат по мраморным разделочным доскам ножи, веет холодом от свежего льда из кладовых – кухни дворцов и больших ресторанов. Гиттемшпиц знал толк в кухнях, подгорный народ хальстов находился в алмарской государственной иерархии где-то между дерьмом и прокаженными. Люди-то и друг друга не сильно любят, что уж говорить о других расах, представители которых отличаются куда разительней, чем цветом кожи и местом рождения (хотя люди умудряются и из-за таких мелочей устраивать войны). Так что Гиттемшпицу, несмотря на то, что он уже долгое время был напарником Иоганна, редко доводилось сживать за хозяйским столом. Нет, нет, сам ван Роттенхерц, изгой и сторонник равноправия, любил своего напарника как брата, просто не готов был с оружием в руках доказывать в каждой таверне, что его слуга имеет право есть как человек. А уж ссориться из-за такой пушистой мелочи как хальст, сотни раз спасавший тебе жизнь, с аристократами и их заведенными веками порядками, Иоганну не позволял инстинкт самосохранения и сам Гиттемшпиц. Потому ворчливого четырехглазика часто можно было встретить на кухнях, слуги, как правило, были демократичней господ. Иногда на кухнях случалось разжиться едой, крепкими напитками и даже изредка приятной компанией. Конечно, так случалось не всегда, – за свою бурную жизнь, еще до встречи с алмарцем, хальст, бывало, переживал тяжелые времена. Его били всем – поварами, скалками, молотками для мяса, коромыслами, в него метали котлы, тесаки, изредка объедки, один раз даже целую тушу вепря, пытались подвешивать на крюки для мяса, варить заживо, морозить на ледниках. Но хальста все равно неудержимо влекли кухни. Местную, у маркизов де Люмино, он опробовать еще не успел.

Кухня была неплохая, не очень большая, но просторная, с несколькими чугунными плитами, большим котлом для супа, разделочными столами, печью для хлеба, длинным рядом подвешенных к потолку разномастных ножей и большой, добротной метлой в углу. Тут царил почти образцовый порядок, на подоконнике единственного окна стояли цветы, а в разных стратегических местах были развешаны пучки трав. Ароматы готовки стелились по земле, заставляя предвкушающе трепетать ноздри, а дым и чад поднимался к потолку, наверняка скрывая укрывшихся на старых балках гоблинов.

Уверенным шагом Гиттемшпиц прошествовал через кухонную дверь и окунулся в привычный мир суеты, предшествующей набиванию живота. Он прихватил с крючка круг чесночной колбасы, отобрал у посудомойки не очень чистую пивную кружку и сложными манипуляциями с ухом заставил поваренка наполнить ее из жбана. И вот, наконец, напарник ван Роттенхерца обратил внимание на предмет своих вздыханий.

Она стояла, сильная и неподкупная, у разделочной доски, и сосредоточенно рубила морковь, руки с опасной сталью умело скользили над мраморной поверхностью, пот струился по темно-русым волосам, повязанным косынкой, откуда выбивался непослушный локон. Пышная грудь бурно вздымалась, передник на объемной талии был сексуально забрызган кровью и салом. Полная попа, любимого хальстом размера, ритмично покачивалась в такт несложному мотивчику, который насвистывали алые, как хороший бифштекс, губы. Гиттемшпиц почувствовал, что влюбляется.

– Эй, детка! – обратился помощник ван Роттенхерца, подходя поближе к дивной фемине. – Знаешь, почему многие женщины называют меня трехногим?

Посудомойки и поварята испарились. Главная кухарка мадам Тильда медленно повернулась. Это была пышная женщина на излете среднего возраста, она носила просторное платье с лифом, поддерживающим объемную грудь, которой хватило бы двум-трем дочкам аристократов, белый передник с обилием профессиональных пятен, полосатые чулки и деревянные башмаки, в знак статуса покрытые лаком и росписью. Она медленно повернулась и тут же охнула. На широком лице с полными щеками, неумело выщипанными бровями и кокетливой бородавкой на крупном носу, застыла гримаса удивления, сменяющаяся брезгливостью. Вид коренастого, мускулистого мужичка, покрытого жесткой черно-красной шерстью, с хвостом, рогами

и двумя парами глаз, одни из которых были обычными, а вторые цвета заката и без зрачков, к тому же одетого как наемник в кожу и портупей, а также жилет со множеством карманов... Этот вид несомненно поразил главную кухарку маркизата. Но она быстро нашлась.

– Не иначе из-за твоего куцега хвоста, которым ты пол метешь, – неумело начала флирт мадам Тильда.

– О нет, мой горный цветок, – хальст подошел, и, глядя снизу вверх, приобнял пышную даму за попу. – Чтобы раскрыть секрет, меня просто надо увидеть без бранных оков одежды. Хотя и хвостом, – он обвил означенный орган, увенчанный кисточкой, вокруг голени предмета своих вздыханий, – я кое-что умею.

– Так уж и умеешь! – солидная дама хихикнула как институтка и прикрыла губы ладонью, которой мог бы позавидовать и гренадер.

– Не сомневайся! – хальст легонько пожал мягкое место, которое обнимал и преданно снизу вверх посмотрел в васильковые глаза Тильды. – Лишь дай мне накормить своего изнывающего от голода патрона, и я вернусь, дабы продемонстрировать тебе секреты плотской любви, которыми владеет только мой народ! Он, мой хозяин, там наверху, лечит вашего мальчика.

– Ааа, – поскущела кухарка и отстранила коротышку от тела. – Вернулся, значит. Ну, вы это... – царица кухни помолчала. – Лечите, короче, скорее наш кошачий ужас, а то старый хер злой ходит, будто геморрой разыгрался, даже ко мне на кухню начал заглядывать, хромой паскудник, девок пугает.

– Всенепременно, – Гиттемшпиц начал активно накладывать на тарелку снедь для Иоганна – сыр, колбасу, бутылку вина, зелень, увел прямо с противня половину цыпленка, пару пирожных и холодный суп. – А почему же кошачий ужас? – полюбопытствовал он между делом, поняв, что романтический момент все равно упущен.

– А ты не знаешь? – вздохнула кухарка и вернулась к вивисекции невинных овощей. – Видел его кота?

– Еще бы! – хальст улучил момент и продемонстрировал Тильде изодранные руки. – Но и историю про кошку, за которой он присматривал, тоже слышал.

– А ты не верь всему, что слышишь, – совсем поскущела кухарка, и буркнула, почти в сторону. – Умерла та кошка, а из котят один этот остался, самый злой.

– Любопытно, – особо не задумываясь об услышанном, Гиттемшпиц прихватил поднос, украл для себя полкувшина пива и двинулся прочь. – Ну, до вечера, моншер, как у вас говорят.

Кухарка лишь неопределенно покачала головой, печально посмотрев вслед говорливому пушистику.

К вечеру Карла Луи пробил озноб, ребенок лежал, будто пораженный черной лихорадкой, по телу изредка проходили спазмы, глаза закатились, руки хваткой дога вцепились в простыню.

– Держись, парень, – Иоганн так и не притронулся к пище, он сидел возле постели больного, держал мальчишку за руку и говорил. – Ты не станешь еще одним ребенком, чью жизнь разрушил мой обожаемый родитель. Тьма побеждает, когда мы сдаемся, когда решаем, что борьба бесполезна. Зло торжествует, когда свет бездействует. Все это есть в достатке в нашей душе. Плохое и хорошее, скверное и правильное. Мы сами делаем выбор. Ты сможешь победить. У тебя есть силы. Я же вижу. Вспомни все доброе, все хорошее, что было в твоей жизни, улыбку матери, наставления отца, смех сестры, брата, суровую любовь деда. Вспомни, наконец, эту несчастную кошку, Агнесса говорила, ты даже с кочергой в руке защищал ее от собак. Видишь, сколько в тебе верного! Разве все это не стоит борьбы? Держись, дерись против него, я достал тебе славную шпагу, шваркарасец, но никто, кроме тебя самого не сумеет ей воспользоваться!

Луи скрутил спазм, он забился в судорогах, изо рта пошла пена, затем он бессильно обмяк, продолжив слабо сотрясаться всем телом.

– Ни за что не пускай сюда его мать, – могильным голосом произнес охотник. – А лучше дай мне ключ, я запрусь изнутри. До завтра ты свободен.

Гиттемшпиц забористо ругнулся, швырнул под ноги ван Роттенхерцу ключ и ушел, громко хлопнув дверью.

Темная комната, мягкая кровать, живое тепло рядом и довольное дыхание удовлетворенной женщины, что еще нужно честному хальсту поздней ночью? Кое-что нужно, вспомнил же, черт его дери, рогатого дурака. Слуга Йоганна никогда не мог заставить себя бездействовать, если считал, что есть проблема, которую он может решить. С кухни приятно пахло жирной, правильной едой, мадам Тильда еще не спала.

– Так что там с этой кошкой? – невинно, как ему казалось, поинтересовался напарник охотника на монстров.

Последовало долгое молчание, тишина звенела от напряжения.

– Тебе лучше не знать, – тяжело вздохнув, ответила Тильда, – вдруг вы перестанете его лечить.

– Я ему ничего не скажу, – горячо поклялся хальст.

– Мужики всегда врут, – зло откликнулась кухарка, – какой бы породы не были.

– Глаз даю! – пообещал мохнатый любовник.

Вновь молчание.

– Есть дерьмо, которое лучше даже палкой не трогать, – голос мадам Тильды снизился до легкого шепота. – Эта кошка умерла, плохо умерла, котята тоже, все, кроме одного, самого злого. Пацан и правда заботился о ней, до родов, а после родов...

Тишина. Всклипы. Кухарка, казавшаяся несокрушимой и все выдавшей в этой жизни, тихо, не напоказ, плакала.

На следующее утро у Карла Луи пошли кровавые слезы из глаз, к вечеру его пот начал серебриться в лучах закатного солнца. А днем позже, утром, ребенка скрутил спазм, изо рта, носа, ушей, из пор хлынула кровь. Все белье хальст тайно вынес и сжег, заменив на новое. Днем Луи открыл глаза, полностью красные от крови, осмысленно посмотрел на Йоганна и плюнул тому в лицо. Вечером ван Роттенхерц уехал.

Хальст остался прилаживать браслеты, сторожить сон страдающего ребенка и тревожиться за своего патрона.

Вернись добить

Месяц войны издыхал, холодное дыхание осени выжгло из воздуха все тепло, ветер нес желтые листья, а на небеса кто-то накинул рваное покрывало серых облаков. Вдали, над озером Лами, небрежными штрихами карандаша на синем холсте шел дождь. Поблизости от особняка де Люмино было сухо, но внизу, под утесом, будто любовник на первом свидании, волновалось Плевро.

По дорожке парка, сквозь легкий водяной туман, шли двое. Йоганн ван Роттенхерц сменил плащ с пелериной и сюртук на кожаный кафтан с широкими отворотами, блестящий медью заклепок и ременных пряжек. На голове алмарца была широкополая шляпа с высокой строгой тульей. Он шел медленно, периодически глухо кашлял, непогода плохо влияла на больную ногу, и, кажется, сорокалетний мужчина где-то подхватил простуду.

Рядом с алмарцем, легкой, почти танцующей походкой шел невысокий, крепкий мужчина около тридцати лет, весь от макушки до щегольских ботфорт, он имел вид лихой и небрежный. Широкое лицо, озорные глаза, не раз переломанный нос, трехдневная щетина, наглая ухмылка, смолисто-черные волосы, уложенные маслом и стянутые в узкий хвост. Двубортная кожаная курка с начищенными серебряными пуговицами в три ряда, обильно усаженная шипами, широкий пояс, расхлябанная португепя через плечо, кожаные штаны на шнуровке. За спиной укреплен двуручный меч, к поясу прикован цепями молитвенник в стальном переплете. А на груди болтается на волосяном ремне священный знак в виде серебряного черепа с

кругом во лбу. Спутник ван Роттенхерца был священником, вернее, братом ордена охотников на нежить.

Впереди возвышался особняк маркизов, своим веселым, вычурным и ярким видом он будто бросал вызов непогоде.

– Какая славная дыра! – возвестил насмешливым голосом спутник алмарца. – Если винный погреб соответствует каменной визитке, я перестану жалеть, что бросил из-за тебя турнир.

На протяжении всего месяца Войны – гетербагора, проходили разнообразные турниры, воинские состязания, фестивали боевых искусств и тому подобные мероприятия. Брат Маркос, чей меч был много острее языка, несмотря на свой духовный сан, был их завсегдатаем и нередко победителем. Живые противники мало пугали человека, с детства натасканного на вампиров и мертвых кирасиров.

Иоганн был не слишком расположен к шутливой беседе, но все же выдал из себя:

– Уверен, тебе понравится, и ты наверняка не будешь злоупотреблять своим положением гостя, – он немного помолчал, прервавшись на кашель. – И не уронишь высокого звания духовной особы.

– Уронил бы пару раз, если найдется достаточно смазливая служаночка, – охотник на нежить замахал руками. – И не надо мне про целибат! Я не жениться буду, а трахаться.

Иоганн был молчалив от того, что ему было стыдно перед другом – Маркос действительно очень любил турниры. Но безропотно согласился сопровождать алмарца, поскольку до сих пор хорошо помнил старое кладбище пять лет назад, сотни живых мертвецов, вылезающих из могил, и ван Роттенхерца вместе с верным хальстом, оборонявших священника до тех пор, пока тот не закончил литанию упокоения.

Были и другие причины. Охотник на монстров считал своим провалом необходимость призвать на помощь священника. Отчасти потому, что он воспитывался в монастыре, где каждый норовил воспользоваться возможностью напомнить неудачно родившемуся мальчишке, из чьих чресл он вылез. Отчасти из-за профессиональной гордости, назойливо зудевшей «справимся и без святош». Но большей частью потому, что он был слаб в вере. Иоганн не отрицал существования Единого – сложно отрицать существование бога, каждый день являющего чудеса. Просто ему казалось, что это как-то лицемерно. Что это за бог такой, заставляющий делать людей всю работу за него. Как столь могучий бог, наделяющий своей благодатью столько священников, творящих благо его волей, мог допускать существование демонов, нежити, хаотической скверны Пучины, церковной коррупции и голодных сирот? Почему он – великий и всеблагий, не спустился из своих небесных чертогов и не навел порядок сам, позволяя людям, не редко скорбным разумением, работать от своего имени, часто не только на пользу и во вред? И Иоганна не устраивали пояснения о божественном плане, громоздком и непостижимом для человеческого разума. Он считал это слабой отговоркой. Коли ты бог для людей – то будь любезен, объясни для них понятным языком.

Но сейчас на кону стояла жизнь и душа невинного ребенка, к тому же наверняка не разделявшего мнения Иоганна, а кто он, в конце концов, такой, чтобы решать за других. Потому охотник на монстров Иоганн ван Роттенхерц и брат Маркос Шваркарасского Ордена Охотников на нежить неспешно приближались к особняку де Люмино, дежурно перебрасываясь остротами.

Два пухлых ребеночка из фонтана провожали прохожих сочувствующими взглядами, в потухшем мире ранней осени озорные детишки казались тусклыми и поскучневшими.

Минуло несколько дней. Дней, проведенных в тяжелой, казавшейся почти бесполезной, борьбе. Дверь распахнулась, разгневанный Иоганн, резко постукивая тростью по наборному паркету, выскочил из комнаты Луи в галерею, окаймлявшую второй этаж. В нем до сих пор все выло и клочкотало. Но Маркос был прав. Несколько гневных шагов, пара мрачных мыслей о

недавней ссоре, воспоминание о двенадцатилетнем парне, пытающемся выцарапать себе глаза, и позже о парне, корчащемся в жестких оковах, под монотонный звук литании исцеления. Невыносимо. Похоже, ван Роттенхерц начал привязываться к своему «пациенту». Наконец, охотник понял, что в галерее он не один.

Лунный свет проникал через узорчатые окна, заливая колоннаду белым сиянием Лунной Леди, набиравшей силу и легким, зловещим багрянцем злобной луны Хас. Навстречу алмарцу, со свечой в руке, выступил человек в темном халате, стянутым поясом с золотистыми кистями, на голове ночного обитателя особняка была расшитая феска, ноги в мягких тапочках издавали потешные шлепки.

– Добрый день, месье ван Роттенхерц, я прибыл узнать все ли в порядке, вы и ваш гость... так кричали, – голос, пытавшийся казаться твердым, звучал заискивающе.

Так кричали: «Убирайся, Иоганн! Единым заклинаю – убирайся! Ты не ешь, не пьешь, не спишь. Ноешь, как побитая сука. И мешаешь! Пойди, перекуси чего-нибудь. Трахни служанку. Или своего хальста за бороду потаскай, я видел, как он стянул серебряную вилку. Только уберись отсюда. Богом прошу. Да, мальчик кричит, корчится, да, ему больно. И да, сейчас ты не можешь ему помочь. И длишь агонию, мешая мне сосредоточиться. Думаешь, это легко?! Да ни хера, впервые вижу такое сильное некропоражение. Все, все я сказал. Иди». Алмарец знал, что охотник на нежить прав, но уходить не хотел, ему казалось, что, если он уйдет – проиграет, бросит ребенка на произвол судьбы, лишит сил бороться. Но ничего не произошло, более того, с уходом Иоганна Луи начал выть тише и перестал метаться в цепях.

– Приветствую, герр маркиз, все благополучно, всего лишь часть рабочего процесса. Не могу сказать, что вашему мальчику ничего не угрожает, но он в надежных руках. Брат Маркос знает свое дело, – охотник ухмыльнулся уголками губ. – Ему ведь благоволит Единый.

– Славно, – облегченно кивнул младший, правящий де Люмино, осознавая, что ему не придется разнимать двух профессиональных убийц. – А что же вы?

– Я, похоже, немного перенапрягся, – Иоганн закашлялся, слова давались тяжело, за три бессонные ночи его болезнь неприятно прогрессировала. – Нужно немного передохнуть и развестись.

– В таком случае, позвольте предложить вам чашку кофе и компанию, – голос Виктора сделался немного заискивающим, почти просящим. Как никогда он производил впечатление человека, который хочет, чтобы «все было хорошо».

– Изрядно вам благодарен, – откликнулся ван Роттенхерц.

Они двинулись по галерее, Иоганн ступал подчеркнuto степенно из-за трости и больной ноги, маркиз так же, из-за неудобных шлепок.

– Что там наш мальчик? – вопрос был задан обыденно, как осведомляются о здоровье немного приболевшей тети дальнего пошиба, но высказав его маркиз весь сжался, будто спрятался в панцирь.

– Ничего не могу говорить, – откровенно ответил Иоганн. – Вы не ваша супруга, должны понимать – дело сложное. Я видал и более простые случаи, приводившие к печальному финалу. Иногда – даже ужасному. Мы делаем все возможное.

– Да, да, всецело на вас полагаюсь, – Виктор энергично закивал, чуть не подпалив клокастую бороду о свечу.

Остаток пути прошел в тягостном молчании. В зеленой гостиной, драпированной шелком цвета летнего луга, им подали кофе, Иоганну напололам с коньяком. Все это время поэт в чине правителя окрестных земель мялся, смущался и страшно хотел что-то сказать. Горячий напиток развязал ему язык.

– Вы знаете, у меня уже есть наследник. Будь я циником, сказал бы, что потеря младшего сына не так уж страшна, – под гневным взглядом ван Роттенхерца, считавшего каждую невинную жизнь самоценной, маркиз уткнулся взглядом в свою кружку и зачастил. – Но в случае

с Луи все не так! Конечно, мы с супругой любим его, как родители. Но это не самое главное. Мой старший – Марк. Он пошел по стопам отца, ведомый музой рифмы и слога. Я доволен. Но Луи... Вернее, Карл, он другой. В этом мальчике есть такой стержень, которым, пожалуй, не обладаю я сам.

«Это уж точно». Вслух охотник на монстров ничего не сказал и лишь поощряющее крикнул. Де Люмино кивнул и продолжил.

– Он сильный, смелый, гордый. И умный, – после этой фразы отца и самого обуяла гордость за сына, или за свой прибор, который породил такое чудо. – Но даже это не главное. Когда он не тренируется, не лазает по деревьям, не скачет и не упражняется со шпагой... Мой сын читает. Не просто читает. Его занимают такие книги, от которых меня дрожь берет. Я сам видел, как он в дождливые дни корпел в библиотеке над «Магна Монструмом», «Печатью зла», светским изданием «Молота Введьм», «Большим справочником чудовищ и страхолюдин земель Гольвадийских», «Контра Инфернумом».

Ван Роттенхерц изогнул бровь. Он прекрасно знал, что скрывается за этими названиями, почти каждую из этих книг охотник мог цитировать на память. За исключением «Молота введьм», такие вопросы его волновали меньше.

– Эти книги, – прохрипел постепенно проходящим горлом алмарец, – повествуют о монстрах и способах борьбы с ними. Скучно повествуют, обыденно, без прикрас.

– Именно! – просиял маркиз, и даже на память исполнил какую-то свою стихотворную глупость. – И когда я спросил у сына, что он в них находит... Луи ответил: "Я хочу знать, как бороться". Как бороться! Поймите месье ван Роттенхерц, вы спасаете просто двенадцатилетнего ребенка! Вы спасаете коллегу! Разве не чудо, мой сын...

– Это очень опасное и неблагодарное ремесло, – грубо прервал поток мыслей Иоганн, – неподходящее для мальчиков из благополучной семьи, к тому же родственной герцогской фамилии.

Внутренне, тем не менее, алмарец был польщен, приятно было осознавать, что спасаешь человека, способного к подобным порывам. Само собой, когда Луи проснется, он собирался сделать все возможное, чтобы отпрыск вялого Виктора навсегда оставил мысли о дикой охоте на ночных тварей, но само стремление ребенка вызвало горячую, почти профессиональную симпатию. Меж охотниками на монстров не было конкуренции.

– Возможно, – какой-то внутренний стимул, засевший под дряблой оболочкой, помешал маркизу согласиться с собеседником, – но дело не в этом. Луи сам, понимаете, сам выбрал этот путь. Он изводит себя тренировками, закаляет свое тело, крепит разум, запасается знаниями. Он избрал профессию вполне достойную своего великого предка, в чью честь назван. Сам, без моей помощи, даже без влияния деда. Отец прочил его в военные. Понимаете теперь? Такая сила, такой талант в столь юном возрасте. Пусть я и не полностью одобряю это, но не могу не восхититься. Он не должен пропасть!

Ван Роттенхерц был удивлен, сколько еще слоев и тайных достоинств у этого парня, жаль он лежит там, наверху, и блюет собственными внутренностями. Будь Карл здоров и вменяем, Иоганн почел бы за честь и много большее удовольствие беседовать с ним, а не с его отцом – бледной тенью высокой фамилии.

– Будьте уверены, – тяжелая рука охотника легла на тощее плечо хозяина дома, – я сделаю все, что смогу. И даже то, чего не могу.

– Благодарю вас! – маркиз попытался накрыть руку алмарца своей, но тот поспешил ее убрать. – Всецело полагаюсь на ваш опыт и профессионализм! Не желаете ли послушать немного моих стихов, подходящих по случаю?

– Спасибо, маркиз, – ван Роттенхерц скупно улыбнулся. – Я лучше вгоню себе в уши вязальные спицы.

Охотник на монстров не терпел плохой поэзии, а хорошую встречал всего раз или два в жизни. Не дав хозяину дома прийти в себя и оскорбиться, ван Роттенхерц отправился искать своего слугу, дабы заставить того совершить налет на кухню.

Холодный балкон, каменная бахрома перил, скрип плохо смазанной стеклянной двери. Ранний рассвет погружает мир в пастельные тона с легким отголоском адской бездны. На балконе двое мужчин, мрачных, задумчивых, совершенно разных и неуловимо похожих. Сделавших своим призванием защиту мира от скверны. Что значит: каждый их провал – это чья-то оборванная жизнь. Оба курят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.